

ЮРИИ НИКИТИН

МРАК

Юрий Александрович Никитин

Мрак

Серия «Трое из леса», книга 6

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121751

Никитин Ю. Мрак: Фантастический роман: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-15207-0

Аннотация

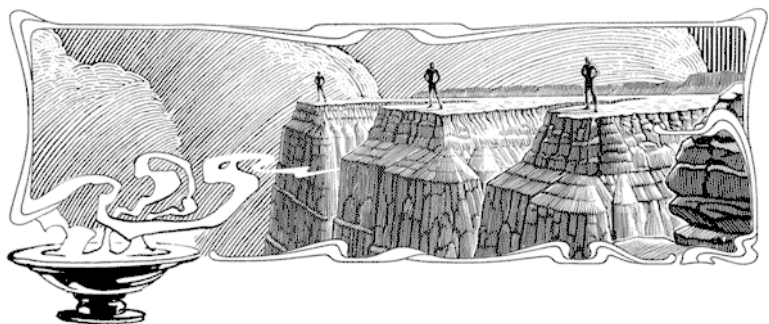
Мрак, могучий варвар из дикого Леса, не знает равных в бою, а, кроме того, он умеет оборачиваться волком, как и легендарные негры, о которых писал Геродот. А еще он, как никто другой, умеет быть преданным и хранить любовь, ради которой он даже не страшится отправиться в подземное царство на верную гибель.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	81
Глава 7	93
Глава 8	108
Глава 9	124
Глава 10	136
Глава 11	151
Глава 12	164
Глава 13	180
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Юрий НИКИТИН

МРАК

Часть I

Глава 1

Таргитай со стоном перевернулся на спину. В синем небе с востока надвигалось облачное плато с диковинными замками, башнями, высокими стенами. Там с неспешностью снеговых лавин проступали морды двугорбых верблюдов, угадывались оскаленные пасти злобных зверей, там страшный и великолепный мир, в котором все творится по его воле.

Рядом хрипело и сипело. Олег уткнулся лицом в траву, задышался, но руки подломились, когда попробовал перевернуться. Мрак сидел, опираясь обеими руками о землю. Темные волосы, слипшись, торчали красным петушиным гребнем. Засохшая корка трескалась по всей левой щеке и шее, отваливалась коричневыми струпьями.

В двух шагах траву примяла исполинская секира. Рядом крест-накрест лежали меч и посох, а еще дальше сыпало шипящими искрами белоснежное перо. На земле пламенели капли крови. След тянулся с их пригорка вниз, в широкую Долину с ее странной красной землей, словно обожженная глина, кое-где поднимаются дымки. Или же вихрики, что сами по себе взметывают кучки пепла. Посреди Долины темнела широкая каменная плита, массивная и вдавленная в эту

сухую твердую землю, словно на нее только что опускался целый горный хребет. Совсем недавно на свете не было белее камня, а сейчас она стала черной, словно пропиталась человеческим ядом.

Мрак прохрипел:

– Что за народ пошел?.. Все руки отбил.

– Так то народ, – ответил Олег. Его грудь поднималась часто, воздух заглатывал со всхлипами, внутри хлюпало, словно бежал по болоту. – А это был не совсем народ...

– Да какая вам разница, – возразил Таргитай, который всегда был за справедливость. – Лишь бы люди были хорошие!

– Да, хорошие, – согласился Мрак. – Насчет людей... гм... но хорошо, что были.

Таргитай оглянулся по сторонам с недоверием:

– Не может быть, чтобы мы всех... Я вроде бы вообще никого не бил по голове. Ну, почти не бил.

Исполинская плита дико и непристойно блестела среди вытопанной и загаженной Долины, где в древности случилась битва Старых Волхвов не то с Новыми, не то с богами. Долину окружали пологие горы, теперь на склонах ни одного целого куста, глыбы вывернуло, еще когда сюда спускались орды зверолов и древочеловеков, когда на суд Рода сошлись боги и все главные твари.

От сочной травы осталась вбитая в землю зеленая слизь, в которой и лежали все трое. Еще слышался далекий гул, подрагивала земля, уходили горные великаны. Лешие, водяные

и гномы исчезли неслышно. В небе поблескивали точки – так блестят в облаке пыли начищенные доспехи. То ли неведомые птицы, то ли боги возвращаются на свою надежную небесную твердь.

Огромный лохматый человек появился словно из-под земли, он сразу же взревел и бросился на них с поднятой дубиной. В другое время его бы заметили издали, запах немытого тела лягнул по ноздрям, как конь копытом, но сейчас даже Мрак только отшатнулся, секира в двух шагах – не дотянуться, меч Таргитая еще дальше...

Коротко и зло полыхнуло. Послышался чавкающий удар, во все стороны брызнуло. Мрак торопливо провел ладонью по лицу, весь в мелких красных бусинках, словно выпала кровавая роса. Таргитай брезгливо вопил, его золотые волосы стали грязно-красного цвета, а сам весь покрылся розовыми пятнами.

Олег, все еще лежа на животе, прошептал несчастным голосом:

– Я его не тронул и пальцем!

Мрак оглянулся на красные клочья, из которых самый крупный был не больше лягушки, покачал головой:

– Для него лучше, если бы тронул даже кувалдой.

– Никогда не стану волхвом, – заявил Таргитай твердо. – Это плохо.

А Мрак сказал наставительно, уже обретая прежний на-

смешливый вид:

– Кто из вас жаждал благодарности от человечества? Уже начинаем получать...

Олег перевернулся, сел. На кровавые ошметки старался не смотреть, но глаза то и дело пугливо поворачивались в ту сторону. Вздыхнул:

– Человек был создан Родом в последний день творения. Когда Род уже так устал, что не соображал, что делает.

Голос волхва был виноватым, словно это он сам сделал человека не совсем удачным. Мрак небрежно потряс руками, однако длинные могучие длани, покрытые густой черной порослью, оставались с рыжим оттенком.

Таргитай вполголоса причитал, что негде помыться, словно это первая пролитая кровь, которую увидел. Если бы он мылся всякий раз после кровопролития, то, по мнению Мрака, плескался бы среди океана.

– Что теперь? – спросил Олег хрипло.

Таргитай искательно посмотрел на ученого волхва, на могучего оборотня. Голос певца срывался неровными клочьями, словно тающий снег с крыши:

– Вернемся в какой-нибудь город. Или хотя бы деревню...

Мрак и Олег уставились на дударя, Мрак спросил хмуро:

– Зачем?

– Поесть, – сказал Таргитай жалобно. – Я так давно не ел... как следует, не ел.

Мрак прислушался, внезапно выхватил из-под Олега лук,

выстрелил вверх, а только потом поднял голову, провожая стрелу взглядом.

Олег с трудом поднял взор кверху, успел увидеть, как в синеве вырастает нечто темное, зажмурился, услышал совсем рядом глухой удар о землю. Таргитай охнул, Олег поспешно поднял веки.

Перед ними бился пронзенный стрелой крупный молодой селезень. Изумрудная с переливами голова бессильно волочилась по траве, а крылья еще пробовали подбрасывать тело, с каждым разом замирая сильнее.

Таргитай сказал печально:

– Зачем ты его так... Хотя бы утку, они все дуры. А этот такой красивый!

– Да ладно, – буркнул Мрак. – Ты ж видишь, с какой высоты брякнулся! Все равно бы убили.

Таргитай задрал голову, долго всматривался в небо, тяжело вздохнул:

– Ну, тогда ладно... Я сам ощипаю.

Мрак передразнил с отвращением:

– Ощипаю! Видать, ты с нами как сыр в масле.

Даже Олег с осуждением покачал головой: когда же дударь успел разбаловаться, разнежиться? И пока пристыженный бог разжигал костер, Мрак по-мужски закатал утку целиком, с перьями, в глину, бросил тяжелый шар в пламя, предварительно выдрав железными пальцами из бедной птахи, что все равно бы убила, кишки и забросив далеко в кусты. Там

сразу зашуршало и зачавкало.

– Вот что главное, – сказал Мрак наставительно. – Уметь увидеть вовремя, прицелиться, пустить стрелу точно в цель!

Олег сказал мирно:

– Да иногда случается и проще. Как-то, помню, иду мимо кустов, а там: фю-фю-фю... фю-фю-фю-фю... фю-фю-фю-фю... Я метнул туда камень, смотрю: лису пришиб!

Мрак кивнул:

– Такое случается. Я как-то иду, слышу из кустов: хорх-хорх... фрю... фрю-фрю... зю-зю-зю... хорх-хорх... хрясь, фрю-фрю, я прицелился, сделал поправку на ветер, на ширину куста... и – стрела кабану прямо в сердце!

Таргитай жадно смотрел на каменный шар, что разогрелся, уже пошел пар от высыхающей глины.

– А я иду, слышу в кустах: фрю-фрю... хрясь-хрясь, тютю-тютю... мня-мня-мня... чавк-чавк-чавк... фю-фю-фю-фю-фю-фю... шмя-шмя-шмя... шмя-шмя-шмя... шмя-шмя-шмя-шмя-шмя... Э-э-э... о чем это я?

Мрак толстым прутиком с рогулькой зацепил тяжелый каменный шар, красный, ноздреватый, как полная луна, выкатил из костра. Таргитай, роня слюни, взял секиру и легонько стукнул. Мрак поморщился: дурак позорит боевое оружие, но смолчал, а каменный шар с сухим треском развалился на части. Мощным запахом сочного печеного мяса толкнуло, как крупом коня-тяжеловоза. Таргитай захлебнулся, ибо запах сшибал с ног, ни капли не потерялось, пока утка

пеклась в темнице.

Между каменных лепестков нежно-белая пахнувшая тушка, соблазнительно голая, пузырилась множеством капелек сока. Перья торчали из глины, влипнув и прикипев, когда глина высохла и окаменела. Тушка бесстыдно расставила белые голые ноги, ляжки толстые, сочные, под ними блестит от вытекающего сока.

Мрак с довольным урчанием разломил тушку на три части, две ловко швырнул Олегу и Таргитаю, сам тут же вгрызся острыми волчьими зубами в пахнущую, истекающую соком мякоть.

Олег перебрасывал свою долю из ладони в ладонь, а Таргитай и вовсе с воплем выронил, обжегши пальцы. Мрак посмеивался, посоветовал:

– Во-о-он там, за деревом, ручеек! Можешь остудить, заодно и помоешься.

Таргитай недоверчиво посмотрел на одинокое дряхлое дерево:

– Да какой там может быть ручей?

– Мелкий, – объяснил Мрак, – но глубокий. Я однажды в таком вот такую щуку поймал!

Он отмерил на руке едва ли не до плеча. Таргитай посмотрел, усомнился:

– Бреешь! Таких волосатых щук не бывает.

Некоторое время слышался только непрерывный треск молодых косточек на крепких зубах. Сожрали почти цели-

ком, если что и выплюнули, то разве что прилипшее к мясу перышко.

Таргитай еще жевал, когда Мрак поднялся, уже отдохнувший, злой, с нетерпеливо перекатывающимися под гладкой кожей тяжелыми шарами мускулов. Как секира оказалась в его длинной жилистой лапе, никто не заметил, даже сам Мрак, она сама стремилась юркнуть в широкую шероховатую ладонь, но на этот раз Мрак вбросил ее в ременную петлю небрежно, не глядя. Его коричневые глаза смотрели поверх голов, одна с волосами цвета заката, другая – поспевшей пшеницы.

– Дымком пахнет...

– Пожар? – предположил Олег.

– Нет, запах стряпни тоже... Тарх, мы пошли.

Таргитай на ходу запихивал в пасть остатки селезеновой лапы, закашлялся, но никто даже не постучал по спине. Оба друга становились все серьезнее, напряженнее, а предчувствие беды накрыло Таргитая с головой, как холодная морская волна.

Драгоценное Перо, из-за которого столько раз получали по морде, пришлось подобрать ему, друзья о нем словно забыли.

На выходе из Долины миновали дубовую рощу, обогнули крохотное озеро, спугнув стадо диких свиней, потом дорожку загородил еще гаек, но легкий, весь из молодых березок, просматривающийся насквозь.

Таргитай начал было намурлыкивать песенку, но Мрак шикнул, и певец послушно умолк. Послышался цокот подков, на тропку впереди выехал на рослом сухощавом коне богато одетый мужчина. Хотя осень только начиналась, листья едва-едва пожелтели, он был в толстой шубе, сапоги с опушкой, сафьяновые, с серебряными пряжками.

При виде троих бросил руку на рукоять топора, но эти шли мимо, внимания не обращали, только коротко поклонились. Он, чуть проехав, остановил коня, грузно повернулся в седле. Лицо побагровело, словно поднимал городские ворота, голос был зычный, привыкший перекрывать лязг железа в бою:

– Эй, вы, там! Мне нужно проехать к князю Вернигоре.

Эти трое переглянулись, остановились, долго думали, а черноволосый и самый звероватый на вид, явно старший, наконец махнул рукой:

– Ладно, мы не против. Езжай.

Воевода опешил, поерзал в седле, но, что с дураков возьмешь, гаркнул снова:

– Можно вас спросить, как доскакать до крепости Вернигоры?

Звероватый пожал плечами: мол, вопрос-то дурацкий, молодой парень с красной, как пожар, головой даже не повел бровью, за всех ответил вежливо золотоволосый парень, совсем отрок:

– Конечно, можно!

Воевода плюнул в сердцах, хлестнул коня и умчался. Видно было, как колотит бедное животное под бока острыми каблуками.

Мрак покачал ему вслед головой:

– Если нас даже один человек не понимает, то как учить жить народы?

Олег смолчал – стрела метила в него, шел плечо в плечо с оборотнем угрюмый, словно поменялся с Мраком нравом, молчаливый, нахмуренный. Он чувствовал, как на плечи давит нечто невыносимо тяжелое, пригибает к земле. Краем глаза уловил странное выражение на хмуром лице Мрака. Даже Таргитай чует недоброе, искательно заглядывает обоим в глаза, едва не виляет хвостиком.

За гаем дорожка разветвилась на три едва заметные тропки. Все три одинаково прямые, одинаково уходят в дальнюю даль и там исчезают. Олег чувствовал, как его ноги наливаются тяжестью. Чем ближе к развилке, тем труднее дышать, тем горше в горле ком, большее в груди. Таргитай что-то заговорил быстро и жалобно. Мрак остановился на распутье, его коричневые глаза оглядели друзей с любовью.

– Ладно, ребята. Сама судьба подсказывает. Чем дольше тянем, тем тяжелее.

Олег вздрогнул так сильно, словно его лягнул конь:

– Да-да, Мрак. Ты прав.

Пальцы Мрака бесцельно поправили секиру, Олег без необходимости поковырял посохом твердую землю. Тарги-

тай жалобно смотрел на обоих, длинная рукоять меча сиротливо блестела из-за его плеча.

– Вы что... уже?

Мрак буркнул:

– Да, Тарх. Мы сделали больше, чем собирались. Теперь у каждого своя дорога. Мне осталось, как ты слышал, до первого снега. Может быть, успею повидать ту... Олег идет в пещеры. Ну, а тебе перо в... скажем, в руки. Ты же бог, дуй на небеса. Хотя Числобог и рек, что можешь и по земле скитаться среди людей, аки птаха небесная, беззаботная, дурная, голодная.

Таргитай, побледнев, смотрел отчаянными глазами:

– Но как же...

Мрак обнял молодого певца, похлопал по спине. Олег тоже обнял, чувствуя непривычную нежность и щем в груди, хотя вроде бы все как должно: они выполнили совместное, теперь каждому своя узкая дорожка. Не потащит же Мрака и Таргитая в глубь уединенных пещер ломать голову над умными книгами, как и за Мраком нелепо идти на поиски не Великой Истины, а всего лишь женщины!

– Прощай, Мрак. Авось свидимся.

– Мир тесен, – ответил Мрак серьезно. – Ты уже стучался головой о его стены!

Ответил легко, даже чересчур легко, но сердце сжалось в комок не крупнее ореха от тяжелого чувства утраты. Общее дело сделано, пришло время личных. А личные не делают

скопом.

Мрак обнял их, дыхание вылетело, как из жаб под колесом телеги, а когда им снова удалось развести сплюснутые ребра в стороны, он уже исчез за стеной деревьев.

Таргитай вздрогнул, когда Олег шлепнул по плечу. Оба смотрели вслед Мраку, но, когда певец повернулся к волхву, там уже опадала взвившаяся было пыль.

Глава 2

Длинная лодка с высокими бортами не шла к пристани, а летела. Там уже, несмотря на раннее утро, виднелись галдящие стайки пестро одетого люда. Под причалом колыхались лоды, учаны, шнеки, даже чуйни. Воздух свеж, резок и прозрачен, хотя, когда ветер менялся, чувствовалось гнилое дыхание большого града с его стоками нечистот, испражнениями скота на бойнях, запахами сыромятных кож.

От причала прямая дорога вела к бревенчатой стене города, над ней вздымаются крыши детинцев и храмов, общинных амбаров и складов, столбы святилищ. Хатки и землянки простого люда лепились у подножия горы.

Двенадцать пар весел мощно вспенивали воду. На носу стоял, придерживаясь за поручень, высокий мужчина в нарядной одежде. Моложавое бесцветное лицо, похожее на ком рыхлого теста, было обращено к причалу. Белые редкие брови можно было рассмотреть лишь при большом старании, но глубоко сидящие глаза говорили, что их хозяин всегда настороже, умен, а мешки под глазами кричат, что вовсе не так молод, как выглядит издали.

За спиной загремела злобная брань. Звонко щелкнула плеть, кто-то вскрикнул. Краем глаза человек с бесцветным лицом посматривал, как надсмотрщик деловито сматывает бич. Измочаленная плеть разбухла от крови. Не осталось

спины, а гребцов на лодке двадцать четыре, где бы ни вздувались кровавые рубцы! Зато, подумал он холодно, они прибыли в Куявию всего за два дня. Не то что пороть – зарубить всех не жаль.

Человек с бесцветным лицом услышал за спиной злорадный голос:

– Ну, лохматый? Все еще мечтаешь сбежать?

В ответ донеслось злобное рычание. Гребцы мрут как мухи, а этого поймали на берегу два дня тому, взяли сонного. Тут же на шею железный ошейник, приковали к веслу. Гребет за двоих...

Появился младший надсмотрщик, от него несло чесноком и старым салом. Заорал, швырнул на причал веревку. Там поймали, суетливо и бестолково подтянули лодку ближе. Среди зевак и бездельников в передние ряды лезли портовые девки, размалеванные, с открытыми платьями. Запах сырой рыбы, пеньки и топленого жира стал сильнее, повис в воздухе, как грязная брань.

Не дожидаясь, когда борт ударится о толстые бревна причала, хозяин лодки прыгнул. Подкованные сапоги звонко ударили по толстым доскам. Сзади стукнуло, спину обдало брызгами. Причал содрогнулся от толчка причалившей лодки. Растолкав толпу, вперед пробился и схватил в объятия приземистый раскормленный человек. Был он одет пышно, жирные щеки лежали на плечах, а три розовых подбородка свисали на грудь. Больше всего походил на раскормленно-

го поросенка, даже губы сложил пяточком, будто собирался хрюкнуть.

За его спиной держался человек постарше, сторбленный. Улыбка не сходила с лица, но глаза были настороженные.

– Кажан! – сказал торопливо первый, похожий на поросенка. Он суетливо оглянулся, сказал уже тише: – Кажан!

– Здравствуй, Голик, – ответил новоприбывший, его бесцветное лицо дернулось, – зная твою лень, мог ли я подумать, что встретишь в такую рань!.. Здравствуй и ты, Ковань.

Голик сдавил его толстыми пухлыми ручками, отшатнулся в притворном ужасе:

– Как я мог?.. Не прийти встречать будущего правителя?

Кажан сдвинул бесцветные, как у поросенка, брови:

– Не шути так. Это ты рвешься к трону.

– Да ладно тебе. Мы знаем, кто через три дня накроет своим задом престол.

Он рассыпался в мелком дробном смешке. Ковань тоже приятно улыбался и отводил глаза. Он все время суетливо давал дорогу обоим, сдвигался в сторону, без нужды пожимал плечами.

Кажан покачал головой:

– Про меня пошел слух, будто я не то из могилы, не то вообще из преисподней. Мол, потому такой бледный... Не ты ли пошептал нужным людям? Так что мне все равно мозговая косточка не достанется. Деритесь без меня.

Из лодки слышались брань, глухие удары. Надсмотр-

щик кого-то остервенело бил ногами. Голик вопросительно вскинул брови, холеное лицо брезгливо скривилось. Кажан отмахнулся:

– Пленный на веслах... Дик, звероподобен. Языка нашего не знает.

– Разве есть такие земли? – удивился Голик.

– Похоже, добрел из Славии.

– Гм... славы, как я слыхивал, своих лесов не покидают.

– Как видишь, что-то занесло. Помешанный, наверное...

Но силен, как стадо быков. Его посадили одного, где рвали жилы двое. И то едва весло не сломал!

Голик покачал головой:

– Никто не знает славов как следует.

– Ну да ладно. Много собирается гостей?

– Шутишь? – отшатнулся Голик. Он взглянул за поддержкой на Кованя. – Светлану, царскую племянницу, отдали в жертву богу войны Маржелю, а она вдруг вернулась цела и невредима! Тут не только из соседних городов прибыли все знатные, но из дальних тцарств едут и едут... Потому и пришлось отложить. Не все успевают к сроку. Иные прислали гонцов, что выезжают с дарами, просят дождаться. Хозяева постоянных дворов спешно переоборудуют для гостей сараи, сеновалы, даже погреба. В город стягиваются все ворье и непотребные девки... иные красивые настолько, я уже присмотрелся, что могли бы украсить и царский дворец.

Кажан кивнул – знал сластолюбие этого тцаредворца:

– А что говорят?

– Волхвы? – догадался Голик. – Таскают друг друга за волосы. Одни клянутся, что Маржель принял жертву, а другие – нет, раз вернул. Этих становится все больше...

– Твоими стараниями? Или твой Ковань постарался?

Голик покровительственно похлопал Кованя по сторбленной спине. Тот искательно улыбался, зубы показывал мелкие и редкие, но это были зубы хищника.

– Ковань... – подтвердил Голик довольно. – Глупо упускать случай, если сам прет в руки. Мол, теперь беда вовсе грядет неминуемая. И одной жертвой из царской семьи не отделаешься!

Кажан согласился:

– Да, на этот раз под нож уйдет вся царская кровь. И воцарится другая династия!

Голик низко поклонился ему, как кланяются тцарю. Но чересчур низко, пряча усмешку. Следом поклонился и Ковань, еще ниже, подобострастнее. Кажан сделал вид, что не заметил. С той стороны причала к ним спешили сборщики пени за топтание земли кувявской.

Мрак озлобленно ждал, когда его прикуют к длинной цепи. Других уже сковали вместе, продели общую цепь. У захвативших его людей есть опыт, видно. Лишь закрепив на новой цепи, расклепывали старую. А его приковали последним, как самого сильного. Захочет бежать – должен тащить

за собой всех.

Пока их выгоняли из лодки на причал, без нужды нахлестывая и покаявая копьями, Мрак хмуро рассматривал встающий впереди под утренним солнцем город. Куява! Стольный град страны Куявии. Удобное место, вдоль берега исполинской реки лежит большая часть городов. Страны, где поклоняются богу Маржелю. Той самой, которую искал так упорно. В горах и горных долинах селятся разве что пастухи со своими многочисленными стадами, еще там прячутся воры, разбойники, а купцы протаптывают тайные тропы из враждебных стран – Артании и Славии.

А дальше – синеватые горы. Вершины самых высоких блещут белизной. Там снег, так говорили на лодке, но туда никто из людей не добирался. Живут там чародеи, отшельники и драконы...

По доскам причала скользнула широкая, размытая растоянием тень. В блистающей синеве проплыл, растопырив крылья, крупный Змей. Мрак с его острым зрением рассмотрел, что хвост чудища свисает, лапы поджаты к пузу, а голову чуть свесил, рассматривая, что творится внизу. Если видит хоть вполовину хуже сокола, то с такой выси легко обнаружит отбившуюся от стада коровенку, одинокого путника или дремлющую в одиночестве козу.

Правда, здесь даже глупая корова при виде крылатого зверя вскачь несется до леса, пусть разозленный Змей крушит и ломает деревья, она спокойно уйдет дальше, не забывая сры-

вать сочные зеленые листья. Если не угодит в зубы волкам, не задерет медведь, не попадет в трясины, то вернется цела и с полным выменем.

Мрак еще в пути дивился пролетающим Змеям, но ни гребцы, ни стражи не поднимали к небу головы, и он тоже скоро перестал обращать на них внимание. Летают и летают. Вороны хоть садятся на деревья и смотрят что украсть, в их гнездах горстями бери броши и браслеты, а Змеи никогда не опускаются на землю вблизи города.

В тех недоступных горожанину горах, как он слыхивал, и гнездятся Змеи. За то, что живут не на деревьях, как вороны, а в горах, их и называли Горынычами. Правда, Горынычами зовут и горных велетов, он сам однажды разговаривал с великаном Горыней, но вот мелких птах, что тоже гнездятся в горах, Горынычами никто не кличет... Чтобы зваться Горынычем, в первую очередь нужно иметь размеры, а человек ты или зверь – это дело десятое...

На причале их зачем-то дважды пересчитали, каждому заглянули в рот, пощупали мышцы. Хозяин ушел, поручив скованных надсмотрщикам. Пленников погнали по дороге к городу. Мрак жадно рассматривал стольный град страны Куявии, в который все же попал, хоть и не так, как хотел. Но именно здесь, по рассказам, живет золотоволосая Светлана, самая красивая на всем белом свете... да что там красивая, самая прекрасная! Та самая, которую, по слухам, принесли в

жертву богу войны. И которая чудесным образом вернулась!

Как знал Мрак еще по разговорам гребцов, здесь три страны дерутся за верховенство. И правители ищут пути собрать все три в один кулак. Свой, конечно. Это он, Мрак, считает все это Гипербореей, даже она, по его мнению, лишь крохотное пятнышко на земле, за которую бьются так тяжело и страшно, но поди ж ты – для того, кто поднимает рыло к небу раз в жизни, когда его смалют, для того и Гиперборея слишком велика и необъятна. Ухитрились разделить на Славию, Куявию и Артанию! Народ один, язык один, но раз в одной части больше степи, в другой – леса, а в третьей есть и горы, то каждый начал считать себя лучше, подсмеиваться над соседями, давать им обидные клички, в то же время полагая, что соседям незаслуженно повезло: земли там лучше, солнце светит ярче, а птицы поют звонче.

А раз кому-то повезло незаслуженно, то нужно дело поправить: пойти и отнять. Но, на беду или к счастью, люди везде одинаковы, те тоже уверены, что в чужих руках хвост толще. Тоже спешат дать сдачи! Еще раньше. Так что после драк и войн все расплзаются обратно зализывать раны, утешая себя тем, что в следующий раз...

Если бы он не задержался после последнего боя – по дурости считал его последним! – то уже давно мог бы держать в руках свое сокровище, смотреть в ясные голубые глаза, рассказывать, как спас ее от волхвов Перуна, то бишь Маржеля, Войдана, Громара и прочих личин, а там бы честным пир-

ком да за свадебку! Но была еще задержавшая его страшная битва в Долине Волхвов...

– Быстрее, ленивые твари!

Вдоль цепи забегал надсмотрщик. Усталые ноги задвигались быстрее, ядовитая пыль вздымалась желтым облаком, забивала горло. Дорога прямо от причала медленно поднималась. Вдали вздымались горы. Они нависали над стольным градом, и все это было отделено от воды всего лишь широкой полосой золотого песка. Почти на вершине ближайшей горы, больше похожей на древний холм из красного камня, высился блистающий дворец. Хотя он был из белого и оранжевого гранита, но выглядел продолжением горы. Глядя на него, верилось в древних строителей-чародеев, ныне исчезнувших, которые умели создавать вечные дома. Говорят, за столетия их дворцы не только не обветшали, но даже растут, крепнут!

Городские ворота выросли, закрывали полнеба. Стена сложена из тяжелых глыб, дорога вела к массивной башне, а ворота располагались в глубокой арке. Там тень, но широкие медные полосы на створках ворот все равно блестели ярко и кричаще.

В распахнутые ворота как раз гнали стадо коров. Стражи ворот лениво шевелили губами, считали. Пастух обеими руками держался за кошель, пугливо оглядывался. В сторонке вертелись оборванцы, присматривались. Глаза алчно блесте-

ли.

Тяжелая цепь гроыхала, норовила разбить в кровь босые ноги. Мрак придерживал ее рукой, голые ступни по щиколотку погружались в теплую пыль. Справа и слева невольники жадно посматривали по сторонам. Редкие торговцы, что спешили спозаранку в город, в нетерпении старались протиснуться вместе со скотом, рискуя быть затоптанными.

На городской площади посередине высилась огромная глыба обтесанного гранита. На ней блистала бронзой фигура грузного человека в доспехе, с длинным мечом в руке, лицо дышало грозой, нижняя челюсть воинственно выпячивалась вперед.

– Кто это? – спросил Мрак невольно. – Местный бог?

– Дурень, – буркнул один из невольников, – это тцар Додон, правитель всей Куявии!

– А почему он в такой странной позе?

Невольник сказал шепотом:

– Его хотели отлить на коне, а потом то ли бронзы не хватило, то ли умельца переманили проклятые артанцы, но так и пришлось поставить без коня...

Резкий хлопок бича прервал его на полуслове. Их провели по узкой улочке к огромному зданию. Кузнецы под охраной стражников сняли общую цепь, а когда невольников провели по тесным коридорам и запихнули в большую комнату, сняли и остальные цепи.

Мрак с наслаждением размял руки. Непривычная лег-

кость – почти две недели носит проклятый металл. Если бы удалось как-то сбросить железный ошейник! Он слишком поздно понял, что металлическая полоса, которую заклепали на его шею, не из меди или бронзы.

Надсмотрщик гаркнул:

– Обживайтесь!.. Отныне здесь ваше жилье. Скоро дадут жрать. Кому надо погадить, жди до вечера.

Стены были из толстых глыб, подогнанных так плотно, что прокладки из сухого мха были ни к чему. Потолок низкий, единственное окошко под потолком. Крохотное, не пролезть. Да и то с решеткой.

Пока Мрак осматривался, принесли мясо. То ли не успели приготовить, то ли еще почему, но мясо было сырое, еще теплое.

– Начнем, – проворчал он и ухватил самый крупный ломоть. Зубы вонзились с жадностью в сочную плоть: он не ел досыта уже две недели. – Хор-рошо...

Невольники косились на дикого варвара. Страшен, свиреп, в нем рвется наружу необузданная сила. Голые плечи и спина в кровавых полосах: ему досталось больше других, но зверь есть зверь – этот лесной человек с таким рычанием глотал истекающее кровью мясо, предостерегающе рычал на тех, кто приближался чересчур близко, что каждый в испуге отодвигался. Верхняя губа у него слегка приподнималась, показывая белые клыки, скорее волчьи, чем человечески.

– Эй, – сказал кто-то негромко, – ты умеешь говорить?

Мрак ел быстро и жадно, чувствуя, как жизнь вливается в тело. На глупый вопрос отвечать не стал, а среди невольников пошел шепот:

– Совсем зверь...

– Дык в лесу живут!

– Он разве что по-зверячьему...

Мрак проглотил последний кус, дождался, когда тот провалился глубже, прорычал:

– Дурачье... Где вас таких наловили?

Среди невольников слышались вздохи облегчения. Один сказал торопливо:

– Кого где... Ты ведь тоже не сам сунул голову в петлю?

– Ладно, как выбираться думаете?

– Да что тут думать. Хитрее нас пробовали! Вон какие стены... И решетки. А дверь – бревном не вышибить... Ты в самом деле из Леса?

– Из самого дремучего, – усмехнулся Мрак. Поев, он чувствовал, как гнев и ярость, одолевавшие попеременно, чуть отступили, а сытость позволила думать медленнее, мысли пошли связные, не изорванные в окрашенные красным и багровым клочья. – Меня зовут Мрак. Не знаю, что в ваших краях говорится о славах, артанцах, куявах, я – гиперборей. И если я сдуру попался в такую западню, то это не значит, что мне здесь нравится.

Он оглядел их, скривился. Что в лохмотьях и с побитыми спинами, то ничего. Спины заживут, а одежду сменить еще

легче. Но глаза пугливые, собачьи. Больно быстро выбили из них человечье. Ведь человек – всегда боец. С себе подобными, Ящером и даже богами. А эти уже только наполовину люди.

– Эт куда нас теперь? – прорычал он.

– Мы в стольном граде, – ответили ему. – Все богатые куявы живут здесь... Нас либо продадут, либо... Назад не поплывут, это точно. С нами не поплывут.

Глава 3

Тяжелый топот в коридоре и лязг засовов прервал все разговоры. Дверь отворилась, из багрового от света факелов коридора пахнуло свежим воздухом, а вместе с ним странной смесью аромата благовоний и крепкого мужского пота. Кровавые отблески прыгали по бронзе щитов, обнаженным мечам, остриям копий.

На пороге возник человек в пышной одежде. За его спиной блистали медные шлемы воинов, щиты, острые искры прыгали по лезвиям обнаженных мечей и наконечникам копий. Запах благовоний стал мощнее, но сзади наваливался и подминал запах немых тел стражей.

Пышно одетый хмуро всматривался в полумрак подземелья. Холеное лицо брезгливо кривилось:

– Эй, твари... Перестаньте копошиться, как черви!

Из-за его спины вышел громадный надсмотрщик, без нужды щелкнул бичом. Невольники затихли. Человек с лестницы ткнул пальцем:

– Этого!.. Ну и вон того.

Надсмотрщик, недобро улыбаясь, спустился вниз, уперкнутовище в грудь Мрака:

– Для тебя нашлась работа получше!.. Выходи.

Мрак видел, как пальцы сжались на кнутовище, готовые при первом признаке неповиновения стегнуть бичом. Втя-

нув голову, он пошел к выходу. Мелькнула мысль – схватить жирного, удавить одним движением, смерть не страшна, но тут же, заслоня все, выплыл образ той неземной женщины, которая лежала на жертвенном камне...

Сгорбив спину, он покорно прошел мимо жирного. Тот опасливо посторонился. Надсмотрщик все равно не утерпел, с наслаждением стегнул вдогонку:

– Быстрее, черепаха!

Кончик бича вырвал клочок кожи, Мрак ощутил, как выступила кровь, побежала тонкой струйкой. Он втянул голову в плечи, тихо вышел в коридор. Там, в окружении блистающих жал копий, что кололи в бока, ему надели колодку на шею, пинками выгнали во двор.

Яркое солнце больно стегнуло по глазам. После душного подземелья воздух казался чистым и свежим, как вымытая рубашка. Посреди двора стояли четверо невольников. Все в колодках, и все, как заметил Мрак, самые крепкие и злые из гребцов. Они и раньше огрызались на каждый окрик. Мрак спросил шепотом:

– Куда это нас?

– Не знаешь? – буркнул ближайший.

Другие молчали, смотрели по сторонам налитыми кровью глазами. Один не утерпел, пнул ногой ближайшего стража. Его тут же нещадно избили древками копий. Остальные лишь смотрели ненавидяще на людей с оружием, сопели, стискивали связанные за спиной руки.

Старший страж заорал:

– К воротам – быстро!

Подгоняемые пинками и остриями копий, невольники сдвинулись с места. Тяжелые колодки задевали соседей, слышался сухой стук. Один упал, стражи подняли пинками. Мрак удерживался на ногах, хотя его толкали и задевали со всех сторон, в бессильной злобе рычал, дергал связанными руками.

Зал с низкими сводами, куда их пригнали, был пропитан запахами пота, страха и ненависти. У Мрака шерсть поднялась на загривке, из глубины горла вырвалось глухое рычание. Рядом шарахнулись, на него поглядывали со страхом.

Здесь были широкие скамьи. Под стеной по широкому желобу струился поток воды. Не чистый, из него как будто уже пили свиньи, но невольники жадно зачерпывали горстями, плескали в лицо, лакали быстро, часто.

Прямо на полу – Мрак сперва не поверил глазам – лежали топоры, копья, дротики, палицы, мечи, длинные ножи!.. Подошел осторожно, принюхался к бодрящему запаху крови. На лезвиях со свежими зазубринами темнели пятна крови, кое-где прилипли волосы.

Секира будто сама прыгнула в руки. И приросла. Он с наслаждением сжал рукоять, мышцы сразу наполнились яркой мощью. В горле заклокотало рычание. На бронзовом лезвии тоже темнели знакомые пятна. Скоро прибавится крови,

крови врагов...

Люди разбирали оружие, и вскоре на полу остались только ножи, дротики, два лука с колчанами стрел, несколько мечей и две палицы. Одна была целиком из черной бронзы, с увесистым кулаком на вершине, острые шипы блестели зло. Мрак невольно взял в левую руку, взмахнул пару раз, положил секиру и взялся за палицу двумя руками. Похоже, удары меча и топора можно парировать даже держакон, металл выдержит, зато шипы проломают любой доспех...

Кто-то засмеялся:

– Еще не понял?

На него смотрел немислимо широкий в плечах мужчина с чисто выбритой головой, где оставался только небольшой клок на макушке, и голым подбородком. Мрак угрюмо смотрел, как он небрежно разгреб грудь, выбрал длинный кривой меч с зазубринами на тыльной стороне. Взмахнул, проверяя вес, подмигнул Мраку. Руки его были на редкость толстыми и пугающе длинными, кончиками пальцев касался коленей. Левый рукав полотняной рубахи был оторван, и Мрак изумился могучим жилам. Те так туго стягивали руку, что та казалась выкованной из темной меди.

– Что я должен понять? – спросил Мрак.

– Зачем нас сюда загнали, – ответил бритоголовый. Он резко выделялся среди других, бородатых и длинноволосых. – Меня зовут Зализняк.

– Мрак. Так что насчет оружия?

– Разве это оружие, – сказал Зализняк с презрением. – Мне бы лук...

В его желтых глазах промелькнуло мечтательное выражение. Пальцы собрались в щепотку, будто накладывал стрелу на тетиву.

– Лук? Что можно с луком здесь?

– Тесновато, – согласился Зализняк, – но кое-что смог бы. Слушай, медведь, ты бы лучше взял секиру!

– Почему?

– Для палицы мало силы медведя, – отозвался Зализняк, и Мрак уловил насмешку в голосе невольника, – а еще и умение надобно.

– Умение? Для простой дубины?

Зализняк насмешливо оскалил рот. Мрак, который и сам собирался отложить палицу и вернуться к секире, невольно ощетинился. Неповоротливы те, кто дерется в тяжелом доспехе. А кто встречает врага голой грудью, тот быстрее.

– Она мне нравится, – сказал он угрюмо. Примерил в руке, повертел. – Умеет не меньше, чем секира.

Но Зализняк уже присматривался к черному провалу в каменной стене. Ноздри Мрака уловили идущий оттуда запах горячей пыли, возбуждающий аромат крови, вина, женских притираний. Еще со стороны дыры доносился далекий гул голосов.

Мрак снова взвесил в ладони палицу, недобрая мощь переливалась в его тело, рыкнул и пошел, распахивая неволь-

ников. Дыра превратилась в прорубленный в камне подземный ход. Пришлось пригнуться, от стен несло нечистотами, ноги скользили по грязи, испражнениям.

Шагов через десяток ход свернул. Навстречу блеснул яркий свет. Мрак застонал от бессильной ярости. Выход перекрывала решетка из толстых бронзовых прутьев толщиной в человеческую руку. Впервые встретил землю, где столько металла!

Из-за прутьев был виден широкий ток, обнесенный стеной из глыб. Вернее, это ток был вырыт в каменной земле, вымощен неотесанными плитами. Такие же плиты укрепляли и земляные стены. Сквозь щели кое-где пробивалась трава. Это было с небольшой двор, обнесенный со всех сторон высоким забором, но Мрак понял, что они находятся на дне широкого неглубокого колодца.

Стены уходили вверх на высоту в два человеческих роста. От самого края поднимались дубовые лавки, каждый ряд выше предыдущего. Передние ряды заняты богато одетым народом. Все смотрели, как во дворе бегают звери, плевали и бросали огрызки яблок, в то время как те, кто сидел за их спинами, похоже, могли только свистеть и орать.

Мрака потеснили, решетку открыли на миг, во дворик выскользнул невысокий, крепко сбитый человек в набедренной повязке, с кривым мечом в одной руке и щитом в другой. Звякнуло, надсмотрщики тут же закрыли на засов и, даже не остановившись взглянуть на схватку, поспешили обратно.

А на току единственный уцелевший зверь увидел человека, на миг припал к земле, хвост яростно бил по бокам, затем взвился в воздух и немисливо длинным прыжком ринулся на жертву.

Мрак стиснул зубы. Схватка проиграна, ибо человек попытался драться так, как дрался бы с человеком. А зверь обрушился как лавина и, не обращая внимания на легкую рану, подмял, схватил за плечо. Послышался хруст, человек отчаянно закричал. На скамьях заорали от восторга. Зверь вырвал руку, кровь хлестала струями, ухватил человека за голову и потащил наискось через дворик, заливая плиты кровью, к противоположной решетке.

В толпе обеспокоенно заорали, но решетку не подняли, и зверь, к восторгу собравшихся, принялся поедать еще живого человека у всех на глазах. Тот кричал и отбивался, зверь распорол ему живот, сизые внутренности с шипением выползали наружу, теснясь и вздуваясь огромными пузырями. Человек пытался затолкать их обратно оставшейся рукой, но зверь опять ухватил его за голову, стиснул челюсти. Послышался отвратительный хруст. Кровь брызнула тонкими горячими струйками, и жертва перестала двигаться.

Когда зверь насытился, решетку подняли. Зверь ухватил остатки добычи и стремглав ринулся в темноту. Едва за ним с лязгом упала решетка, выбежали слуги с ведрами воды, быстро полили, смыли кровь, разбросали золотистый песок, прикрывая кровь там, где впиталась в землю.

Наверху лениво переговаривались. Большинство тянулись к единственной скамье, над которой устроили навес от солнца и дождя. Там расположились самые богато одетые люди, среди них Мрак рассмотрел немало женщин. Они хуже мужчин, подумал он с отвращением. Нет гаже зрелища, чем пьяная женщина, нет страшнее человека, чем озверевшая женщина. А здесь они орут, верещат, прыгают, срывают платки и рвут на себе одежду.

Послышались шаги. Подошли еще двое, смотрели сквозь решетку с ужасом и отвращением. Тот, которого звали Зализняком, сплюнул через прутья:

– Богато живут, сволочи.

Второй промолчал, и Мрак угрюмо согласился:

– Богато.

– Не на одежду смотри, – заметил Зализняк наставительно. – Это что... А вот что тратятся на развлечения! Жизнь везде нелегкая, но где-то человек так напашется, что падает замертво до утра, а на рассвете снова копает, рубит, пашет, и так до поздней ночи, только бы прокормить семью. А здесь успевают и отдохнуть.

– Это отдых? – ощетинился Мрак.

Зализняк засмеялся:

– А ты посмотри их глазами. Волхвы могут получать удовольствие в спорах, а простой народ? Он везде одинаков. Всяк любит смотреть, как бьют другого, а не его. А за то, что бьют насмерть, за кровь и отрубленные головы, можно еще

и заплатить... Потому и говорю, что живут неплохо. Даже веселятся.

Другой невольник сказал безнадежно:

– Я драться не буду. Зачем? Отсюда не выйти. Мы будем убивать друг друга в этой яме, а они будут плевать на нас.

– И дашь себе перерезать горло, как овца?

Тот огрызнулся:

– А что? Лучше умереть, забавляя этих скотов? По крайней мере, не доставлю им радости.

Зализняк покачал головой:

– А я буду.

– На потеху врагу?

– Да нет, не потому... Помню, дед мне рассказывал старую притчу. Две лягушки как-то упали в кувшин с молоком. Края высоко, поплавали-поплавали, устали, выбраться не удается. Одна, измученная, говорит: «Все равно выбраться невозможно. Чего зря барахтаться?» Сложила лапки и утонула. А вторая, то ли дурнее, то ли упорнее, все плавала, плавала от края к краю, измучилась так, что уже не сообщала, что делает, но заставляла себя через силу плавать, плавать... И когда уже силы полностью покинули ее, она начала тонуть, вдруг ее лапы наткнулись на что-то твердое!

– Э-э-э, – сказал Мрак предостерегающе. – Где-то соврал. Почему ж первая лягушка не наткнулась?

– А потому, что тогда этого комка масла еще не было. Его сбила лапками вторая лягушка, когда без усталости месила мо-

локо. А теперь она взобралась на этот комок перевести дух, масло ведь всегда плавает наверху, отпихнулась лапами и – выпрыгнула!

Невольник отмахнулся с безнадежностью:

– Мы не лягухи...

Шаркая ногами, он потащился обратно. Не жилец, подумал Мрак без сочувствия.

– А ты? – спросил Зализняк.

– Мне на роду написано не дожить до первого снега, – отозвался Мрак. – Так что мне все одно. Но, конечно, горло под нож не подставлю. Не смогу.

Сзади послышался топот множества ног. Из темного туннеля появился полуобнаженный человек, за ним шли, выставив копья, стражи. Оттеснив Мрака и Зализняка, быстро подняли решетку и вытолкнули невольника на ток. Пока тот щурился, ослепленный солнцем, ему вслед швырнули деревянный щит и палицу. Решетку тут же с грохотом опустили.

Мрак и Зализняк снова прильнули к бронзовым прутьям. С той стороны тока, где скрылся зверь, медленно разгибал спину широкий в плечах мужчина. По тому, как держал сильно изогнутый меч в левой руке, а щит в правой, Мрак понял, что до плена наверняка был воином.

– Ставлю на этого, – сказал Зализняк быстро, – который с мечом. Два к одному.

Мрак невольно усмехнулся. До вечера они все, и Зализняк в том числе, будут убиты. Но Зализняк, похоже, так далеко

не заглядывает.

– Не бойцы, – сказал он.

– Да? – возразил Зализняк. – А этот выглядит... Впрочем, ты прав, хоть и лохматый.

Ни поединщик с палицей, ни второй с мечом драться не хотели. На скамьях поднялся разочарованный гул, простой народ вопил, топал ногами, а со скамей для знати вниз полетели огрызки яблок, кости. Кто-то швырнул кувшин. Тот разлетелся с треском, редкие капли вина блеснули на солнце.

Когда те драться так и не стали, Кажан властным взмахом указал вниз. Тут же из заднего ряда поднялся с десятков лучников. Звонко ударили тетивы. Стрелы мелькнули белыми перьями, и внизу оба несчастных зашатались, утыканные стрелами. У каждого в щите торчало по три, но остальные поразили грудь, голову, плечи.

Решетка поднялась, выскочили рабы, вогнали крюки в еще живые тела, спешно потащили в туннель под крики и вопли на скамьях. Следом выскочили мальчишки, засыпали песком кровь, что вызвало новый вопль недовольства.

– Лучники, – ругнулся Зализняк, – я уж надеялся, что нам бы только цепи стряхнуть!

Крики, шум, стук рукоятями мечей по щитам заставили умолкнуть на полуслове. Во дворик опустили лестницу, по ней, не спеша, сходил высокий воин. Мрак по восторженным крикам понял, что это не раб, не пленный, а один из свободных, более того – богатых и знатных. Потому и спускается

по лестнице прямо из рядов, а не прошел из тюрьмы.

Когда он повернулся лицом к решетке, Мрак ощутил, как шерсть на загривке зашевелилась, а вдоль спины пробежал холодок. Воин стоял высокий и могучий в плечах, шея и руки вздуты мышцами, а грудь настолько широка и выпукла, что колец на его кольчугу ушло вдвое больше, чем для обычного человека.

Лицо крупное, нижняя челюсть тяжелая, как у коня, и выдвинута вперед, белые шрамы ясно выступают под короткой черной бородкой. Пара маленьких глаз под низким лбом смотрит с бешенством, хотя улыбается и вскидывает в ответном приветствии руки, толстые, как стволы деревьев. Нос сломан, по крайней мере трижды, рот широк, как у жабы, но губы странно бледные и настолько тонкие, что рот вообще выглядит безгубым.

Сзади послышались шлепающие шаги. Мрак раздраженно оглянулся. Не выносил, когда кто-то подходил сзади, руки готовы метнуться к горлу неосторожного. Это был Зализняк. Он кивнул, желтые глаза с интересом и цепкостью вора обежали весь двор.

– Кто этот? – спросил Мрак.

– Волк, – ответил Зализняк. Мрак смотрел непонимающе, и Зализняк добавил: – Горный Волк, так его зовут.

– Ух ты... А кто он?

– Вождь одного из племен. Горных! Говорят, не знает равных в поединках. Но когда войны нет, а подраться хочется...

Сам понимаешь, с таким зверем ссор избегают. Вот и слезает иногда сюда, потому что здесь уклониться от схватки не могут.

Мрак смотрел с отвращением. Мир не может держаться без убийств, хотя Таргитай и Олег, каждый по-своему, ищут, как обойтись, но когда человек убивает не ради благородного грабежа, не ради полона, не ради захвата земель для расплода своих детей... Когда убивает ради убийства, то это уже не человек, а зверь.

Против Волка выпустили двух бойцов могучего сложения, оба с топорами. Им дали щиты, на головах были настоящие бронзовые шапки, но Мрак увидел в глазах обоих тень смерти. Даже вдвоем не надеются выстоять против вождя горцев!

Волк вскинул вверх руки, потряс мечом и щитом, заодно показывая могучие мышцы, повернулся во все стороны. Ему весело орали, и Мрак понял, что вождь Горный Волк уже не первый раз выходит на поединок с осужденными.

– Волк! – неслись вопли. – Разорви им глотки!

– Волк! Яви свой удар снизу!..

– Волк, второй с топором опасен... Он левша!

Волк все еще потряхивал оружием, улыбался. Солнце красиво обтекало его крутые плечи, похожие на глыбы, округленные ливнями, ветрами и снегопадами. Видимо, его не волновали двое угрюмых с топорами за спиной, а те не пытались напасть сзади, хотя если бы двигались быстро и разом...

Наконец Волк повернулся и сделал противникам пригла-

шающий жест. Те переглянулись, пошли навстречу, медленно расходясь в стороны. Волк улыбнулся, Мрак жалел обреченных. Их маневр настолько очевиден и предсказуем, что любой на месте Волка не вышел бы на ток, если бы не знал, что делать в таких случаях.

За шаг до того, как оставалось скрестить оружие, Волк метнулся в сторону, сильным ударом отбросил одного, быстро повернулся, принял лезвие топора на щит, засмеялся, взмахнул мечом... но лишь сильно ударил ногой.

Несчастный упал на спину, будто получил в грудь тараном. Глаза были вытаращены. Он хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Волк повернулся к первому:

– Готов?

Тот молча бросился с поднятым топором. Волк отступил и повернулся так, чтобы видеть и второго, тот ворочался в песке, как раздавленный червяк, а топор первого всякий раз со звоном наталкивался на подставленный меч Волка. Тот щитом не пользовался, держал лениво, только меч блистал как молния, успевая встретить любой неожиданный удар.

На скамьях стоял сплошной рев. Визжали женщины, в их глазах была звериная похоть, и Мрак понимал их по-своему, по-волчьи. Любая самка стремится заполучить потомство от самого сильного и выносливого, в этом залог выживаемости. Потому олениха стоит и внимательно смотрит, как остервенело бьются за нее два оленя. Только победитель имеет право...

Второй поднялся, но не кинулся сразу, а, увидев, что Волк не стремится к быстрой победе, уверен в себе, сперва пришел в себя, затем быстрыми шагами пошел наискось к Волку. Теперь в глазах покорность судьбе сменилась яростью. Он был унижен на глазах людей, пусть чужих, на глазах женщин, пусть никогда не коснется их, но унижен как мужчина, а мужчина – это, прежде всего, боец, и теперь Волку Ущелий победа не достанется так просто и красиво...

Набросился он с яростью, но успевал следить за руками Волка, который теперь отражал удары с двух сторон. Волка спасали длинные руки и звериная скорость, он все время двигался, ускользал из-под ударов, его щит и меч непрерывно звенели. На лавках рев стал еще восторженнее, и Мрак не сразу понял, что Волк все еще избегает наносить решающие удары, все еще играет, только отражая два блистающих лезвия, что жаждут его крови.

Наконец он отпрыгнул, на миг вскинул руки:

– Маржель!!!

Страшный крик потряс ток, будто мощный порыв ветра пронесся над собравшимися. Мрак ощутил, что Волк перестал играть, сейчас явит кровь. Но для него уже было неважно, кто кого убьет. Он в третий раз услышал это имя. Значит, он уже на месте. Именно здесь принесли в жертву этому богу ту золотоволосую девушку!

Двое, уже усталые, снова бросились с двух сторон. На этот раз Волк неожиданно бросился вперед, проскользнул

так стремительно, что оба едва не ударились лбами. В рядах обидно захохотали, заорали славу Волку. Тот, хищно оскалившись, покачивал в руке меч, держа его острием вперед.

Снова двое пошли разом, Волк отбил удар, другому подставил щит, быстро провел перед собой кончиком лезвия. Так показалось Мраку, ему заслоняла спина второго воина. В рядах заорали, а воин вдруг остановился, выронил меч, обеими руками ухватился за распоротый живот. Из широкой раны хлынула кровь, следом с шипением полезли сизые внутренности, раздувались на воздухе. Несчастный закричал, начал запихивать кишки обратно в распоротый живот.

В рядах творилось невообразимое. Вскрикивали, орали, прыгали, визжали до хрипоты. Волк, улыбаясь от уха до уха, отступил на два шага, вскинул окровавленный меч. Красные капли падали на обнаженную руку. Одна упала на лицо, Волк слизнул ее, язык был красный и влажный, как у зверя.

Несчастный, потеряв мужество при виде ужасной раны, побежал через весь ток к чернеющему входу. Кишки при беге выпали, волочились за ним. Наконец он наступил, поскользнулся, упал вниз лицом, вызвав новый взрыв ликования, смеха, восторженных воплей.

Второй побелел, но, даже оставшись один, не отступил, бросился на Волка. Он отшвырнул щит, мечом размахивал как безумный, уже не заботясь о защите.

Впервые Волк вынужден был отступить под градом ударов. Ликующие вопли стали затихать, в рядах наступило за-

тишье. Волк ощутил, что теряет симпатии, выругался, остановился, приняв ряд ударов на щит, затем коротко и страшно ударил наискось.

По рядам пронесся вздох, что перешел в вопль. Вопль восторга и отвращения разом. Меч Волка срубил левое ухо и половину лица противника. Она отвалилась, обнажив неизменно длинные зубы, ибо десны тоже были срезаны лезвием, но не упала, а повисла на нижней челюсти, колыхаясь и разбрызгивая кровь.

Оглушенный ударом и болью, воин выронил меч, слепо сделал два шага. Волк, хохоча, взмахнул мечом и под крики срубил второе ухо, а лезвие точно так же срезало щеку, что повисла кровоточащим ломтем шириной с ладонь взрослого мужчины. Белые зубы сразу залило кровью, ее алые струи заливали шею, грудь, стекали по ногам и забрызгивали золотой песок.

Волк вскинул руки, взревел:

– Маржель!!! Прими от меня.

Ему опустили лестницу, он неспешно поднялся и сел рядом с белесым человеком, в котором Мрак узнал хозяина лодки Кажана. Лестницу убрали, народ шалел на рядах, вскакивал, орал, ибо на току ползали двое: за одним волочились сизые внутренности, а другой казался уродливым до смешного – щеки висели по бокам, как два ярко-красных языка, а из-за обнажившихся зубов казалось, что несчастный смеется. Это доводило толпу до неистовства: орал, падали от

смеха под скамьи, сучили ногами, хватались за животы, от хохота не могли выговорить ни слова.

Рядом с Мраком кто-то ругнулся:

– Все мы – твари, но эта тварь... подлая!

Мрак покосился на смуглого невысокого мужчину, тот неотрывно следил через решетку. Кулаки сжимались и разжимались. Не такие огромные, как у Мрака, но без капли жира, сухие и с белыми костяшками.

– Почему? – буркнул Мрак.

– Не дал им легкой смерти.

Мрак кивнул. Да, одно дело убить, на этом мир держится, все едят друг друга, но изгаляться – не по-мужски. Сильные так не поступают. А мужчина обязан всегда быть сильным.

– Насыпь ему на хвост соли, – посоветовал он.

– На хвост? – переспросил тот, не поняв.

– Ну да. Что у тебя, хвоста нет?

Тот коротко усмехнулся, отвел взгляд от залитого кровью тока. Там уже появились слуги с крючьями. Глаза куява были синие, холодные. Он скользнул взглядом по недоброму лицу Мрака:

– Кто-нибудь насыплет. Непобедимых нет. Тебя как зовут?

– Мрак.

– Мрак? Таких имен нет. Говорят, ты из Леса?

– Пусть говорят.

– Но ты в самом деле слав?

– Я – гиперборей.

Мужик улыбнулся:

– Я – куяв. Ладно, Мрак, увидимся...

– Это уж точно, – согласился Мрак невесело.

Куяв снова смерил оценивающим взглядом его могучую фигуру:

– Может быть, ты и попробуешь насыпать ему своей соли...

– Я? – спросил Мрак, чувствуя в словах куява недоговоренность.

– Если победишь.

– А что тогда?

– Ты не знаешь?

– Я не здешний.

В глазах куява блеснула насмешка:

– Волк выйдет на ток еще раз. В конце. Он всегда дерется с победителем. Он говорит, что оказывает тому честь погибнуть от руки свободного человека.

Мрак повернулся к решетке, стараясь разглядеть Волка. Даже с такого расстояния он выглядел устрашающе. Сидя, высился над всеми, словно стоял, плечи занимают на лавке места двоих, голова отсюда кажется размером с пивной котел. Когда смеялся, громовой хохот заглушал крики толпы и ржание коней.

– Присмотрись, присмотрись, – подсказал насмешливо куяв. – Вдруг тебе придется с ним схлестнуться? Если, конечно.

но, знаешь, за какой конец топора браться. А то я видел и покрупней тебя увальней.

Подошел Зализняк. Мрак заметил ощупывающий взгляд. Желтоглазый все присматривается к нему, словно что-то пытается вспомнить.

– А ты как сюда попал? – любопытствовал он словно невзначай.

Мрак огрызнулся:

– Самому бы понять.

В самом деле, с того дня, как увидел ее на жертвенном камне, всеми жилками волчьей души стремился к ней. Не зная, что скажет и что будет делать. Вон у Таргитая все получалось само, у Олега и то складывалось, даже против его воли, а тут всем сердцем и каждой каплей крови рвется к ней!

– Ладно, – сказал он вслух, – я ее нашел... Остался шажок.

Зализняк подбросил высоко меч, тот звякнул о потолок. Когда падал обратно, Зализняк ловко поймал за рукоять:

– Я не знаю, о каком шажке речь. Но слыхивал, что последний намного длиннее первого.

– У меня длинные ноги, – возразил Мрак.

Зализняк оглядел мрачные стены, угрюмые лица обреченных на бой до смерти:

– Имея длинные ноги, можно шагать по вершинам гор. Но здесь не помогут даже мои длинные руки.

Внезапный шум и ликующие крики прервали его на полуслове. Вверху все вставали с лавок, орали, поднимали руки,

а потом часто и низко кланялись.

По широкому проходу к переднему ряду лавок под руки вели высокого грузного человека. За ним двигалась свита, но Мрак видел только этого человека. В нем были властность, мощь, лицо было подобно рыкающему льву, грозное и величественное, а двигался так, словно весь мир принадлежал ему.

– Додон, – шепнул над ухом Зализняк. – Тцар...

На передней лавке поспешно положили расшитую золотом подушечку, а под ноги раболепно бросили широкий ковер, край свесился по камню. Сесть Додону помогли с величайшим почтением. Вряд ли немощен, уважение выказывают не только тцарям, но теперь Мрак рассмотрел, что пухлое лицо Додона в самом деле выглядит нездоровым, словно бы жрет в три пуза дни и ночи, упивается винами, гребет всех девок, спит только на нежнейших перинах, убивающих в человеке всякую крепость и мужество.

Ему тут же поднесли широкую чару, драгоценные камни заблистали разноцветными искорками. Справа и слева толпились бояре. Все заглядывали искательно в лицо тцаря. Додон отхлебнул из чары, поморщился, затем величественно кивнул.

Глава 4

Мраку сунули в руки палицу, толкнули в спину. Щурясь, он вышел на яркий свет. За спиной с металлическим звоном упала бронзовая решетка. На току уже стояли четверо. Все немые, лохматые, с кудрявыми бородами, волосы у каждого на лбу перехвачены бечевкой. У кого меч, у кого топор, один сжимал в руках окованную бронзой палицу и круглый щит.

Они находились на правой стороне тока, а напротив в стене поднялась решетка. Вышли пятеро мускулистых мужчин, голых до пояса. Мрак засмотрелся на бритые головы троих, где свисали длинные чубы. У каждого в левом ухе блистало по серьге. Подбородки выбриты, и Мрак подумал, что по голым лицам их легко отличить от бородатых и длинноволосых куявов. Правда, другие двое с длинными волосами. Видать, артанцев не хватило. Пятым был Зализняк. Его тоже раздели, грудь его была широка, как и сам он был невероятно широк в плечах. Теперь Мрак видел всю мощь его удивительных рук. Рук, от которых лучше держаться подальше, если в них оружие.

Артанцы тоже шурились, но оружие в их руках не блистало. Все пятеро были с топорами. Ну да, артанцев так и называли народом Боевых Топоров. Их кузнецы изготавливают свое оружие из какой-то особенной черной бронзы, что

вроде бы прочнее любого металла. Даже железа, что падает с неба. Сейчас они вооружены привычным оружием. Понятно, после боя отберут... Или соберут у павших.

Народу наверху прибавилось. Даже на лавках для знатных не осталось свободных мест, а простой люд так и вовсе лез друг другу на головы, чтобы не пропустить зрелища. На последний бой приберегают самое кровавое, а значит, самое интересное!

К Додону наклонялись то справа, то слева, шептали что-то. Вряд ли по делу, скорее же просто показывали всем, что к тцарю близки, тот их слушает, а значит, они в силе и многое могут. Как навредить, так и поспособствовать тем, кто не скупится на дары...

Мрак придиричиво покосился на тех, с кем придется драться плечом к плечу. Подобрались крепкие мужики, одного Мрак помнил как куява, советовавшего насыпать на хвост соли, но в его отвагу не верил, слишком ясно отчаяние в глазах. Остальные – просто разбойники со звероватыми лицами. Они выглядят так дико, что, того и гляди, пырнут соседа, не дожидаясь боя с артанцами.

Тцар милостиво кивнул, тут же услужливо прозвучал боевой рог. Артанцы медленно двинулись вперед. Топоры держали наготове, у каждого на левой руке висел круглый деревянный щит. В середине шел Зализняк. Тоже с топором, что в непомерно длинных руках выглядел игрушечным.

Мрак сказал зычно:

– Простите, братья... Но тут такое дело: или вы – или мы.

Он крепче сжал рукоять палицы, ноги сделали первый шаг. Он вышел из тени, и солнце злорадно обрушилось на исхлестанные плетью плечи. На скамьях заорали, подбадривая обе стороны.

Справа и слева от Мрака взревели, завыли, пугая противника, ринулись, сшиблись, послышались тяжелые удары по дереву, звон, первые яростные крики, а затем вопли боли и страха.

Дурость, подумал Мрак свирепо. Остались считанные дни! Не так, так эдак смерть найдет, нелепо драться, нелепо бабахтаться, как та лягушка в молоке...

Он отразил удар, отступил на шаг, но сбоку один так огрел палицей, что плечо занемело. Взревев, он шарахнул в отместку, на него веером брызнула кровь. Слизнул с губ, чувствуя сладость солоноватой руды, уклонился от удара третьего, тут же снес противника с глаз мощным ударом в живот.

– Бей!

– Убивай!

– Круши!

Сперва это кричали сами бойцы, но скоро только хрипло дышали, сопели. Стоял лязг, стук, болезненные вскрики, а неумолчный крик раскатывался наверху. Там вскакивали, орали, указывали пальцами, верещали.

Мрак озверело оглядел беснующуюся толпу. Грудь его тяжело вздымалась, из ссадины на голове текла кровь, он часто

слизывал ее длинным горячим языком.

Не желая драться, все же сразил двоих, иначе бы сразили его, третьего ранил, его добились, но сейчас стоял на этом конце тока один. Остальные корчились на залитом кровью песке, тяжело и горячем, пытались ползти, затихали в судорогах.

Весь ток был в крови, хотя на смертный бой вышли всего десятеро. Значит, пали восьмеро, потому что на том конце вытирал о труп соратника черное лезвие единственный уцелевший артанец. Мрак узнал желтоглазого Зализняка.

Убитых зацепляли крюками, спешно вытаскивали. Следом вбежали служители, разровняли песок, а еще двое бегом принесли на носилках чистый песок, разбросали, закрывая лужи крови. Зализняк посматривал исподлобья. Чуб уже не развеялся на ветру, прилип к бритому черепу. По лицу бежали мутные струйки. На груди и плечах виднелись глубокие раны, но кровь стекала по груди медленно, нехотя, скапливалась в порезах.

Сверху заорали:

– Ставлю на артанца! Три к одному!

– Принимаю!

– Он его разорвет надвое!

– Слав здоровее!

И, перекрывая вопли, прогремел могучий рев Волка:

– Эй, там, внизу! Покажите, на что способны мужчины в ваших краях. Победителю выпадет честь сразиться со мною!

Додон заинтересованно наклонился над крохотной оградой. Глаза его оценивающе пробежали по могучим мышцам Мрака, остановились на словно выкованной умелым кузнецом фигуре Зализняка:

– Да-да, пора заканчивать. Им хорошо, их убьют, а нам еще по такой жаре возвращаться.

Зализняк подхватил щит убитого куява, медленно приближался к Мраку. Не по прямой, слегка по кругу, и Мрак понял, что противник хочет поставить его против солнца. Поняли и зрители, подбадривающе орали.

Мрак держал палицу в отставленной в сторону руке, ноги чуть согнул. Глаза его не отрывались от артанца. Когда их оружие соприкоснулось в приветствии, после которого должен начаться кровавый бой, Зализняк вдруг сказал негромко:

– Эй, бык... Ты смог бы закинуть меня наверх?

Мрак вздрогнул, бросил быстрый взгляд наверх. Додон склонился над барьером, смеялся, в глазах был хищный интерес. Ковер под его ногами еще больше свесился вниз. С двух сторон тцаря обмахивали широкими веерами, отгоняя мух и жару, за спиной стояли двое неподвижных стражей.

– Попробую, – проворчал он. – Но у тебя зад тяжеловат.

– Только с виду, – шепнул Зализняк. – Но можешь не целовать... пока.

– Я те поцелую! Так поцелую, что сова в твоём дупле поместится. Еще и совят заведет.

– Согласен. Только сейчас кинь повыше.

Сошлись посредине тока. Зализняк начал отступать, и Мрак теснил, пока не оказались прямо под галереей, где сидел тцар Додон. Шум, гвалт, раскрасневшиеся рожи. Запах пота.

Неожиданно Зализняк выронил топор. Мрак едва удержал руку, соблазн был велик размозжить противнику голову, сам выпустил палицу и поспешно сплел пальцы на уровне живота. Зализняк прыгнул, угодил ногой точно, оцарапав Мраку голый живот, а Мрак изо всех сил, чувствуя, как трещат жилы от натуги, швырнул тяжелое тело вверх.

Только теперь раздались испуганные крики. Он подхватил палицу, отпрыгнул от стены и задрал голову.

Зализняк, уцепившись пальцами за край стены, мигом подтянулся, ухватил тцаря за горло и, вместо того чтобы убить на месте, как ожидал Мрак, свирепо дернул.

Они перевалились через край, Мрак отпрыгнул, оба рухнули ему под ноги. Мрак поспешно развернулся на крики сверху. Двое стражей, отталкивая слуг, прыгали, блестя раззолоченными доспехами, прямо на них.

– Смерть! – взревел Мрак.

Один страж принял смерть в полете. Палица Мрака расплющила ему голову. Второй грохнулся, взрывая песок, поднимался, когда сверху обрушился тяжелый удар. Прогредел злой голос:

– Смерть!

Сзади что-то кричал Додон. Послышался звук пощечины, и на весь ток разнесся зычный голос Зализняка:

– Всем застыть!.. Меч у горла вашего дурака!.. Кто шелохнется, я его прикончу!

В наступившей мертвой тиши прозвучал задушенный страхом слабый голос тцаря:

– Всем опустить оружие!.. Не приближаться...

– И стрелы себе в задницу, – подсказал Зализняк.

Лезвие его меча упиралось, натянув кожу, в нежное ухоженное горло. Глаза Зализняка блестели как слюда. Он поймал взгляд Мрака, подмигнул.

– Режь, не тяни, – бросил Мрак напряженно.

– Ты что? – удивился Зализняк. – Кто же режет курицу, у которой золотые яйца?

– Это у него золотые? – усомнился Мрак. – Режь как овцу, пока еще можем.

Над краем ямы наклонился Горный Волк. Лицо его было бешеное. Глаза от ярости лезли из орбит, а в уголке рта пузырилась пена. Рука отыскивала рукоять меча, но на нем, как псы на медведе, повисли телохранители тцаря.

Зализняк крикнул с веселой победной злостью:

– Пусть меня, как кабана чесноком... нашипигуют стрелами, я успею дернуть рукой! Я даже во сне дергаюсь.

Грузный Додон дрожал, как жаба на льдине. Мрак прохрипел:

– Ты счас не засни. Вдруг в самом деле еще потопчем зе-

ленный ряст?

– Ряст? – удивился Зализняк. – Гм... Кого я только не топтал, но зеленый ряст... гм... Если выживем, расскажешь, как это... Эй, дурни! Всем отойти от выхода. Если кто-то мелькнет ближе чем за десять шагов, тут же режу эту жирную овцу!.. Видят боги, у меня уже дрожат руки.

В рядах началось смятение. Из-за спины Горного Волка кто-то метнул дротик. Тот воткнулся в двух шагах от Додона, тут же наверху послышался шум, чей-то предсмертный крик. Додон залепетал:

– Не убивайте!.. Это мои враги! Они хотят, чтобы меня устранили...

– Зарезали, – поправил Зализняк хищно. – Зарезали!

Додон издал горлом булькающий звук. Глаза его закатывались, а рыхлое тело обвисало. Мрак, поддерживая с другой стороны, прорычал с отвращением:

– Убери меч от горла!.. А то сомлеет. Держи возле пуза. Ему не видно, зато сразу можно от бока до бока, как Боромир козу. Кишки вылезут в дыру, а следом и печенка плюхнется! На своей слизи поскользнется.

Ноги Додона подогнулись, он осел на песок. Из прохода исчезали люди. Служителей отогнали, слышно было, как звякали бронзовые двери, решетки. Мрак и Зализняк подхватили пленника с двух сторон, потащили. Ноги в сапогах из дорогой кожи загребали золотой песок совсем так, как если бы тащили, зацепив крюком за ребро.

Они выбрались, волоча Додона, на площадь. Царские гридни оттесняли народ. На крышах появились лучники, их остроконечные шлемы горели как жар в лучах яркого солнца.

Горного Волка видно не было, что беспокоило Мрака. Зализняк скалил зубы, покалывал тцаря мечом в живот. Тот дрожал, покрывался потом, уже и так мокрый, от него пахло гадостно. В сафьяновых сапожках хлюпало, а несло оттуда так, будто топтался по дерьму больного животом.

– Вели всем отойти еще дальше, – приказал Зализняк.

Он слегка ткнул тцаря в живот, и руки Додона взлетели над головой, как крылья ветряной мельницы под ударом сильного ветра.

– Отойдите!.. Отойдите еще!.. И прочь с крыш!

– Молодец, – похвалил Зализняк. – На крышах я не заметил. Веди себя хорошо, в самом деле отпустим... может быть.

Далеко впереди, с боков и сзади гридни били народ мечами плашмя, загоняли в дома и переулки. Зализняк спросил быстро:

– Мрак, ты через какие ворота входил?

– Меня привезли на корабле. Как боярина. Только на бояр цепляют шубы, а на мне зачем-то были цепи.

– Золотые?

– Нет, но зато такие же тяжелые.

– Ага, – кивнул Зализняк. – Тогда через северные, других я не знаю. Через версту там сразу горы, лес, овраги. Мы сумеем... ну, попытаемся суметь.

– Что?

– Схорониться.

Держа тцаря впереди как живой щит, они продвигались почти бегом. Стуча копытами, их обгоняли, держась в отдалении, конные воины, что-то орали злыми сорванными голосами. Многие хватались за луки, но Зализняк всякий раз прикладывал к горлу Додона меч, и смельчаков сдувало как ветром.

Когда впереди выросли городские ворота, Мрак подумал, что здесь их и побьют. Хоть стрелами, хоть камнями, дурное счастье не бывает долгим, но ворота зияли непривычной пустотой. В сторонке стоял воевода с яростным, перекошенным шрамами лицом. В его глазах Мрак видел бессильную злость и обещание лютой смерти. Он убирал всех с дороги, а когда кто-то из дружинников заартачился, коротко взмахнул мечом, и дерзкий упал, обливаясь кровью.

В воротах не было ни души. Когда миновали, подталкивая задыхающегося Додона, Мрак бросил:

– Закрывать бы за собой...

– Думаешь, уже не разослали отряды вперед? – откликнулся Зализняк. Он тряхнул Додона. – Так ведь?

– Не... знаю... – ответил тот полузадушенно.

– Не знаешь? Какой же ты тцарь?

Додон простонал:

– Вы не понимаете... Многие будут рады, если меня убьете. Еще больше будут рады артанцы. Да и славы. И тем и другим легче будет захватить Куявию.

Зализняк сказал со знающей усмешкой:

– А есть и свои, с ножом за пазухой... Верно? То ли дети... ах, детей нет?.. то ли те, кто сумел бы править лучше... А у нас всяк уверен, что знает, как править, лечить и бросать кости...

Мрак на бегу оглядывался на городские ворота. Мелькнул человек, схоронился, а дальше пустая площадь. Зато впереди целый мир с его дорогами, лесами, оврагами, а дальше вовсе горы с их ущельями, провалами, тайными щелями, косягами...

Оба дышали хрипло, еще не остывшие от кровавого боя, да и Додон грузен и тяжел, как бык. Мрак чувствовал под пальцами дряблое мясо, бывшее некогда могучими мышцами: оброс тцар дурным мясом, ожирел, как свинья, боится пальчик прищемить и, когда почти несли бегом, а то и волочили, вскрикивает, как раненая птица: острые камешки пропарывают-де сафьяновые сапожки!

Холодный воздух шипел, врываясь в раскаленные глотки. В груди хрипело, стонало, сипело на разные голоса. Впереди висел багровый шар закатного солнца, и они бежали прямо в кровавый закат. Небо налилось темной синевой, облака

кроваво атели, пугающе пурпурные, грозные, неподвижные, с черной каймой наверху.

Мрак спросил неверяще:

– Думаешь, не поймают?

– Пусть сапоги стопчут, – ответил Зализняк. – Хоть так навредим проклятым!

Они бежали, как два хищных волка, держа посередке зайца. Мрак, привычный к бегу, старался тащить тцаря больше сам, но Зализняк, к его удивлению, оказался мужиком на редкость выносливым. Они взбежали вверх по круче, а когда стена встала дыбки, Зализняк сцепил руки, забросил Мрака, а потом швырнул ему тцаря.

Мрак ухватил за волосы, за плечо, вытащил к себе. Зализняк подпрыгнул, Мрак поймал за пальцы, удивился их толщине и крепости. Как будто корни дуба ухватил! Многих на свете повидал, но человека с такими ладонями – впервые.

– Что делать будем?

– Бежим дальше, – сказал Зализняк сипло. Он дышал тяжело, но глаза горели победно. – Они не взберутся, в обход пойдут. Тут такие воины, что и на толстую бабу без лестницы не залезут.

Они пробежали по узкому гребню, снизу раздались разъяренные вопли. Там бессильно потрясали мечами и топорами. С дюжину преследователей гарцевали на конях.

– Эх, – сказал Зализняк презрительно, – что за воины! Мечи, топоры, и ни одного лучника!

– Ты в самом деле хорош с луком? – спросил Мрак.

– Лучший, – ответил Зализняк скромно. – Я бы таких двух ворон, как мы, достал бы одной стрелой. Пусть даже эти вороны забрались бы в пять раз дальше.

Они сбежали на ту сторону, почти волоча тцаря. Мрак чувствовал, как в спину упруго толкает свежий ветер. Глухо рокотало. Он оглянулся, охнул. Их догоняла черная туча, тяжелая и грозная. А ползла так низко, что почти задевала верхушки деревьев. Между тучей и оранжевой землей стоял серый занавес, из которого доносился неумолчный шорох, будто сто тысяч раков пытались выбраться из ведра на волю.

Зализняк повернул к Мраку измученное, залитое потом лицо:

– Повезло!

– Что? – не понял Мрак.

– Повезло! – заорал Зализняк. – Ливень!

Над землей стояло облако желтой пыли, взбитое тяжелыми струями. Туча двигалась быстро, пыль оседала под массой воды, но впереди все время бежало это пыльное облако, догоняло беглецов, Мрак чувствовал свежее дыхание. Гром гремел все громче, оглушительнее, от молнии на земле отпечатывались огненные зигзаги, а в глазах сразу темнело.

Додон хрипел, задыхался. Последнюю сотню шагов его волочили, как мешок с тряпьем. Зализняк наконец приложил лезвие к белому горлу тцаря:

– Все! Не пойдешь – зарежем здесь.

– Не мо...гу, – прохрипел Додон.

– Тогда умри, – ответил Зализняк так же хрипло. Его лицо было серой маской из пота и толстого слоя пыли. Глаза блестели, как у безумного.

Кожа прорвалась под острым лезвием, красная струйка потекла на грудь. Додон с усилием поднялся:

– Иду... будьте прокляты...

Лай собак слышался все сильнее. Мрак увидел сквозь редеющее пыльное облако силуэты двух собак, за ними маячили люди, но тут на головы и плечи рухнул целый водопад. Ледяные струи, тяжелые, будто из тучи обрушилось все море, пригибали к земле, забивали дыхание, топили, вбивали в землю. Мрак слышал, как ругался Зализняк, всхлипывал в страхе Додон, его тащили, как мокрый мешок. Над головой тяжелый грохот сменился страшным сухим треском, будто гигантские руки ломали лес прямо над головами.

Потом этот треск стал оглушающим. Впереди блеснул огонь, ослепляющий и страшный, в лицо пахнуло странно свежим воздухом. Слепленный Мрак сделал еще несколько шагов, Додона волочили, как труп, Зализняк вскрикнул, указал кивком на яму впереди.

Оттуда поднимался дым пополам с паром, но дым быстро исчез, тугие струи залили яму, видно, как вода кипит, бурлит, остужая раненную молнией землю.

– Как думаешь, – тонкий голос Зализняка чудом проскакивал в щели страшного грохота, – в кого из нас попадет?

– Если бог не косорукий, – ответил Мрак злобно, – то поцелит в середку.

Додон застонал и попробовал перебирать ногами. Зализняк ухватил другой рукой и за ворот, потащил, как тушу забитой козы.

– Теперь верю, – прокричал он сипло, – что оторвемся!

– Побоятся задницы намочить? Мы ж не кур накрали – тцаря тащим!

Зализняк все же услышал или догадался, заорал:

– Это не артанцы, что за честь в огонь и ливень! И не славы, что верны вождю до последней капли крови. Здесь куявы!

– Ну и что?

– Нарядное платье берегут, а не какую-то непонятную честь, дурень.

Мрак не поверил, таких людей на свете нет, чтобы тряпки ценили выше чести. Не поверил, и когда в самом деле прекратилось злое тьявканье, перестали мелькать тени догоняющих. Просто сумели в дождь оторваться от погони. А собакам нюх в ливень не подмога.

Глава 5

Внезапно он понял, что орет, а в ответ истошно орет Зализняк, жилы на шее вздулись как канаты. Расхохотался, ибо гроза быстро уходила вперед, с ней ушел и грохот, перестала трястись земля, а мощная стена ливня вздымала стену из пыли и грязи уже впереди.

– Ну и дождичек, – сказал Зализняк уже без крика. – Такой утопит даже стадо гусей и двух уток в придачу.

Спуск был крут, но перед ними расстилалась долина, чуть ниже бежал вздувшийся ручей, волочил камни, ветки, сложенные грозой деревца. Виднелись хижины земледельцев, на опушку леса вышли из-под промытых дождем деревьев тучные коровы.

– Ну и что дальше? – сказал Мрак со злостью. – Мы же не можем с этой жирной жабой таскаться всю жизнь!.. Нам спать надо, нам многое надо.

– Будем, – сказал Зализняк, – по очереди.

– Мне на него уже смотреть тошно, – сказал Мрак с отвращением. – Я лучше рискну головой, чем буду нюхать этого...

Зализняк подумал:

– Можно проволочь по ручью. За ноги.

– Может, лучше зарезать? Вдруг какой заразный?

Додон простонал, желтый от ужаса:

– Это у меня желудок больной!

– Ничего, – сказал Мрак недобро, – с нами вылечишься быстро. Не покормим еще с неделю... а то и год... желудок отдохнет, сам вылечится. Будешь стройный, как червяк, и худой, как пороссячий хвост. Нет, стройный, как пороссячий хвост, а худой...

Снова тащили его так, что тцар едва касался ногами земли. Но и тогда дышал часто, взмок, побагровел. Мрак побаивался, что тцаря черная болезнь хватит раньше времени.

Завидев расщелину, упали без сил. Дыхание было такое сиплое, что не слышали бы конского топота. К счастью, коня сюда мог бы затащить разве что Змей Горыныч. Додон лежал лицом вниз, всхлипывал. Зализняк со стоном перевернулся.

– С такой жизнью не дожить до старости, – прошептал он, хватая широко распахнутым ртом воздух. – Точно не дожить...

– Зачем тебе старость? – удивился Мрак.

– Старость – самая лучшая пора, – ответил Зализняк замученным голосом, но с великим убеждением. – Старость – это мудрость, уважение младших... А это значит – от всех. Тебе дают самое теплое место, самый мягкий хлеб, спрашивают уважительно: не дует ли, добро ли почивалось... Тебя слушают, раскрыв рты, потому что ты уже побывал ими – и младенцем, и отроком, и зрелым мужем, а им еще предстоит все. Ты все знаешь наперед, можешь предостеречь, указать ямы, через которые прошел, кивнуть на частокол, где порт-

ки рвал...

– Наверное, – протянул Мрак задумчиво. Губы его дрогнули в горькой усмешке. – Наверное, это здорово бы... Но ведьма предрекла моим родителям, что я не доживу до старости. Подумаешь, удивила! При такой жизни!

Зализняк с трудом отдышался, но лицо все еще было страдальческое, с темными разводами под глазами. Хмуρο повел в сторону Мрака налитыми кровью глазами:

– А что значит, что тебе жить лишь до первого снега?

– Меньше, – поправил Мрак. – Сказано, что снега уже не увижу. Это значит, что помереть могу прямо сейчас.

Зализняк встревожился:

– Не вздумай! Мне одному тащить этого кабана?.. Уж побарахтайся. Впрочем, от судьбы не уйти. Ты, как я вижу, не больно убиваешься?

Мрак помолчал. Солнце уже висело над краем земли, и его лицо в багровом свете выглядело зловещим и печальным.

– Рождают нас, – ответил он нехотя, – нашего согласия не спрашивая. Не спрашивая, где, у кого, в какой семье, у знатных или простолюдинов нам желательно появиться на свет. Но чтобы исправить эту неправду, а это великая кривда, Род и дал нам свободу умереть так, как захотим.

– Ну... – протянул Зализняк озадаченно, – он дал не так уж и много.

– Мрут все. От смерти не уйти, не откупиться. Но мрут по-разному. Один в плаче, другой – смеясь, за одним жале-

ют родные, а то и все село, а за другим и жаба не кумкнет. Или даже вздохнут с облегчением. С появлением на свет ничего не поделаешь, но уйти человек должен стремиться полюдски. Достоинно. Красиво. Гордо. Времени на подготовку хватает: вся жизнь.

Помолчали, быстро копили силы. Зализняк сказал со вздохом:

– Вижу, ты это обдумывал долго.

– Не зря.

– Нет, правда. Как говоришь: эка невидаль родиться, но дай нам Род достойно умереть?

– Точно, Зализняк. Но что будем делать с этим боровом?

Зализняк тоже посмотрел на заходящее солнце:

– Надо бы прикончить...

Додон взмолился:

– Не убивай. Что хочешь возьми. Хочешь, воеводой сделаю?

Зализняк отмахнулся:

– Да знаю я твое слово. Наслышан. Тут же велишь зарезать... Просто я уже убил сегодня троих. И так по колению в крови. Что будем делать с ним, Мрак? Может, в самом деле удивим белый свет? Возьмем и отпустим?

– Да черт с ним, – согласился Мрак. – Сгинем так сгинем!.. Мне, как я уже сказал, все одно близкая смерть на роду писана.

– Кому только не писана, – хмыкнул Зализняк. – Разве

что тем, кто не живет... Не смерть страшит – проигрывать не люблю! Если поймают или прибьют, то это ж то самое, что двадцать два очка выпадет!.. Понимаешь?

Додон дрожал, умоляюще переводил круглые от ужаса глаза с одного на другого.

– Ну... не совсем. Эй, светлый тцар!.. Давай-ка твою харю тряпкой замотаем. А руки свяжем за спиной, чтобы не сразу на волю...

Зализняк умело заткнул Додону рот кляпом, завязал для надежности платком. Руки закрепили сзади. Мрак предложил:

– А не проще присобачить его к дереву?.. Места здесь людные. Даже слишком.

Зализняк сказал, задумчиво глядя на бледного Додона:

– Хорошо, ежели освободят. А ежели камнями закидают? Могут еще детей водить, показывать. У нас как-то медведь сидел на цепи... Такое вытворял!

– Закидают так закидают, – равнодушно сказал Мрак. – На себе узнает, какой из него отец народа. Прибьем гвоздями?

– Разве что деревянными, – согласился Зализняк.

Тцаря трясло, как грушу, которую дергал разъяренный медведь. Мрак со злостью потрогал железный ошейник.

– И над большим муравейником, – предложил он. – Мне один волхв говорил, что муравьи в любой, даже самой зачуханной стране водятся. Как и люди.

– Неплохо, – согласился Зализняк. – Только, если первы-

ми отыщут те, что не прочь сами прирезать?

– Гм... Они или волки. Да и шакалы мигом живот раздерут, кишки повытягивают, еще и драться за них будут... Загрызть не смогут, до горла не допрыгнут... или допрыгнут?.. Нет, скорее всего, не допрыгнут... Ну, а до чего достанут – отгрызут начисто.

Глаза пленника вылезали из орбит, смотрел умоляюще, падал на колени. Мрак махнул рукой:

– Лады. Стреножим, как коня на выпасе. Далеко не уйдет. Да еще с таким пузом. Зато если сюда будут идти артанцы или еще кто, то наш тцар-батюшка в кустах пересидит. Все же не будет на наших душах греха! Слово дали – слово сдержали... Хотя... гм... сейчас понимаю тех, кто говорит, что своему слову хозяин: сам дал – сам взял.

Оставив тцаря, они нырнули в кусты и побежали по ручью вверх по течению. Теперь, когда с ними не было пленника, мчались легко. Багровый шар, немислимо огромный, уже опустился за виднокрай, теперь бежали прямо в красное небо, где темнели редкие комья облаков.

Сумерки опускаются медленно, но за ними придет ночь, а за ночь можно уйти далеко... И вдруг резко и страшно проревели трубы, а внизу в распадке раздался радостный клич. Оба поняли, похолодев, что тцаря, скорее всего, нашли. Чересчур быстро.

– Везет же дурням, – процедил сквозь зубы Зализняк.

– Дурням завсегда везет, – согласился Мрак.

Зализняк неожиданно улыбнулся, что было непривычно видеть на его изможденном перепачканном лице:

– Да, боги яснее ясного говорят, что мы – умные. И что вывернемся сами.

– Они сейчас глядят и заклад держат, – буркнул Мрак.

– Как думаешь, сколько?

– Сто к одному.

Зализняк подумал, кивнул:

– Я бы даже поставил тысячу к одному. Конечно, тысячу – на нас.

И сам засмеялся своей шутке.

С той минуты кольцо все сжималось. То с одной стороны, то с другой доносился лай своры гончих, даже слышались далекие крики.

– Вижу домики! – воскликнул Мрак.

– К черту! – прохрипел Зализняк.

Они бежали некоторое время молча. Мрак на миг выглянул над верхушками кустов, ахнул:

– Там... дымок над крайним домом!

– Ну и что?

– Кузня!

Зализняк огрызнулся:

– Подковаться хочешь?

– Ошейник, – бросил Мрак люто. – Он давит меня!.. Я хочу избавиться.

Зализняк на бегу бросил короткий взгляд:

– Да, шея у тебя бычья. Но тебя это даже украшает! Еще бы кольцо в носу... Эй-эй! Ты всерьез? Коваль шею попортит, когда будет срубить!.. Да и собаки задницу изгрызут.

Но Мрак, не слушая, уже покинул ручей и несся по тропе к кузне. Зализняк выругался, затравленно огляделся по сторонам, но побежал следом. Собачий лай становился все громче.

Мрак ворвался в дымное помещение, едва не вышиб дверь. Жарко полыхал горн, мальчишка уныло дергал за веревку, раздувая угли, а посреди высилась на широком пне массивная наковальня. Сухопарый низенький коваль ловко поворачивал брызжущую жаром заготовку, держа в длинных клещах, а могучего вида подмастерье мерно бухал тяжелым молотом.

Мрак гаркнул с порога:

– Бросай соху, хватай зубило!.. Если сейчас не собьешь ошейник...

– То что будет? – поинтересовался коваль насмешливо. – Тебе придется положить голову. А я могу и промахнуться!

– Но не промахнусь я, – бросил с порога Зализняк.

Мрак поспешно опустил голову на горячую наковальню. Даже не поморщился, когда обожгло щеку. Ковали переглянулись, смерили взглядом острый меч в руках Зализняка, замедленными движениями начали перебирать клещи, зубила. Собачий лай становился все громче.

Мрак ощутил острую боль, выругался. От второго удара

железо сплющилось сильнее, он ощутил, как потекла теплая струйка.

– Опять палачи... – прохрипел он. – Если не собьете за третий удар...

Но не сбили ни за третий, ни за пятый. Мрак почти терял сознание, когда бухнуло особенно больно, но тут же словно на горле разомкнулись сильные хищные пальцы. Он шумно вдохнул воздух, перед глазами еще стоял багровый туман, мелькали слабые тени. Послышался неторопливый голос коваля:

– Теперь ты, чубатый?

И резкий голос Зализняка:

– Да? Не знаю, зачем он такое вытерпел, но у меня здоровье хлипкое.

– Вытерпишь, – буркнул Мрак.

– Нет, я всегда мечтал о подобном, – ответил Зализняк, пятясь. – Тут и буквы какие-то... Может, читать научусь.

Лай, который одно время вроде бы удалялся, теперь приблизился вплотную к кузне. Зализняк ухватил Мрака за локоть, рванул к двери. Они вывалились на простор, хватая ртами свежий воздух, и в это время издалека донесся ликующий вопль:

– Вот они!.. Хватай!.. Куси... рви, убивай!

Лай стал оглушительным. Затрещали и заколыхались кусты. Мрак, держась за горло, кровь капала с пальцев, прохрипел:

– Разделимся...

– Авось у Ящера свидимся! – крикнул Зализняк.

Они бросились к кустам, Мрак крикнул напоследок:

– Дайся живым!.. Обязательно сдайся!

Свистнули стрелы. На голову Мрака упала зеленая веточка. Кусты затрещали, он вломился всем грузным телом. Вдогонку пронеслись стрелы, с силой врезался в зеленую стену дротик, исчез.

Зализняк побежал в другую сторону. За Мраком ушла большая часть погони, но и на него оставалось не меньше дюжины воинов с собаками, а дальше было видно плотную цепь всадников!

Зализняк перебил собак, дрался отчаянно, поднявшись на обломок скалы. Трое лежали с разрубленными головами, еще четверо корчились на земле, зажимая раны, когда их вожак, Руцкарь Боевой Сокол, гаркнул зло:

– Да черт с ним!.. Не удастся взять живым, за мертвого тоже платят! Добить его стрелами!

Лучники быстро натянули луки. Пока они выхватывали стрелы, Зализняк вспомнил странные слова лохматого соратника, крикнул:

– Эй, плешивые!.. А я как раз надумал сдаться.

Лучники, держа его на прицеле, нерешительно оглядывались на воеводу. Тот заколебался. За живого награда была обещана вдвое больше. Но если это опять какая-то хитрость...

– Бросай оружие! – потребовал он.

– Возьми, – ответил Зализняк, пожимая плечами. – Разве это оружие? Вот в моих краях куют так куют!.. Два раза в землю закапывают, чтобы ржа всю гниль выела.

Он швырнул меч ему под ноги. Руцкарь Боевой Сокол отпрыгнул, будто ему метнули ядовитую змею. Подозрительно оглядел Зализняка:

– А еще что у тебя есть?

– Только моя отвага, – ответил Зализняк скромно. – Но у кого ее нет, тому и моя не поможет.

– Что не поможет? – не понял Руцкарь.

– Сокол на лету бьет, а ворона и сидячего не поймает.

Он шагнул вперед и вытянул руки. Однако к нему подкрались, словно надо было еще ловить. Зализняк презрительно улыбался. Его схватили, связали накрепко, избili ногами, лишь затем перевели дыхание, привели коней и привязали к свободному.

Прибежал один из стражей, мокрый от пота, запыхавшийся:

– Второй... как-то... ускользнул!

Руцкарь ахнул, переменялся в лице:

– Как? Он не мог уйти!

– Но... его там не оказалось.

– Там было сто человек! Мышь бы не проскользнула!

Воин угрюмо потупился:

– Мы заметили, куда скакнул в кусты... И тут же окружи-

ли тройным кольцом! Но когда сошлись, то в середине никого не оказалось.

– Значит, проскользнул между вами!

– Мы шли плечо к плечу. Спугнули рябчиков, трех зайцев, растоптали птичьи гнезда... да еще волка разбудили... Огромный, черный, страшный!

Руцкарь спросил с недоумением:

– Волк? Да еще черный?

– Огромный, – охотно объяснил страж. – Наверное, из кустов наблюдал за кузней. Там кобыла с молодым жеребенком привязана... Выскочил, когда спугнули, мы сами едва заиками не стали!.. А больше никого не было. Клянусь, все шли так, что друг друга видели. В землю зарылся, что ли?

Зализняк скалил зубы. Если проиграл, то лишь наполовину. Приятно знать, что второй ускользнул. Пусть ненадолго, от такой погони уйти трудно, но сейчас и такая мелочь – победа.

Руцкарь подошел, с наслаждением ударил по лицу:

– Зато для тебя все кончено. Не понимаю, зачем бросил меч? Теперь с тебя шкуру будут снимать по клочку в день, а глаза выкалывать медленно, неспешно...

Мороз пробежал по коже. Он сплюнул кровь из разбитого рта, ответил весело:

– А чтобы у вас работы было больше. Это ж надо еще довести! А я буду плевать на вас.

Руцкарь снова ударил его по лицу, заорал зычно:

– По коням!.. Возвращаемся во дворец.

Небо потемнело, бледный серпик сперва едва виднелся, а теперь налился оранжевым светом, блистал нестерпимо. Проступили первые звезды.

Они ехали по горной круче, тени в щелях стали совсем черными. Тропинка была узкая, кони ступали осторожно, по одному, когда спереди неожиданно выметнулся огромный черный волк. Красная пасть была распахнута, как ворота в ад, белые зубы блестели, словно ножи. Молча, как смерть, он метнулся на коней.

Зализняк услышал дикое ржание. Кони становились на дыбы, пятились. Копыта скользили по круче, и вот уже три первых всадника вместе с конями сорвались в пропасть. Волк с рычанием наступал, делал вид, что собирается прыгнуть и вцепиться в горло. Кони пятились в смертельном ужасе, камни выворачивались из-под копыт, грохотали по склону в бездну, а следом срывались все новые кони с седоками.

Наконец Руцкарь выхватил меч и попытался достать зверя. Волк молниеносно скользнул под брюхо коня, явно вонзил зубы, ибо конь завизжал как поросенок, дико скакнул, его задние копыта заскользили по камням. Руцкарь метнул себя с конской спины, а тот с жалобным ржанием сорвался в бездну. За собой потащил и запасного, на котором сидел Зализняк.

Зализняк в отчаянии качнулся вправо, больно ударился, ощутил, как дернуло и потащило вниз, но зацепился за кам-

ни, ремень лопнул, и он остался, зажатый между двумя обломками скалы.

– Это демон, а не волк! – вскрикнул Руцкарь. – Но будь даже вожаком демонов, меня не испугать!

Сильно хромая и выплевывая кровь из разбитого при падении рта, он двинулся на волка. Тот лишь мгновение смотрел на него желтыми волчьими глазами, затем гигантским прыжком оказался на Зализняке. Тот зажмурился и закрыл глаза. Донесся злой крик Руцкаря:

– Жри его, жри!.. Это похуже, чем содрали бы заживо ко-
жу!

Зализняк чувствовал частое жаркое дыхание зверя. Сильная лапа наступила на грудь, едва не ломая кости. Острые зубы скользнули по груди, резануло клыком, затем зубы сомкнулись на руке. Зализняк снова ощутил боль, стиснул зубы, собираясь без крика превозмогать боль, когда зверь откусит руку... но боли не было.

Он открыл глаза, чувствуя странное облегчение. Зверь уже покинул его, прыгал среди камней, делая вид, что собирается напасть на воеводу. Тот кричал и отмахивался мечом. А на своей груди Зализняк обнаружил обрывки ремня, перегрызенного волчьими зубами. Руки тоже занемели, но путы на них ослабели.

Еще не веря себе, поднялся. Ключья ремней упали на землю. Он подобрал меч, все еще почти не чувствуя онемевших рук. Волк отступал, а воевода с дикими криками теснил, вся-

кий раз попадая мечом по камням.

– Дивные дела твои, – сказал Зализняк дрожащим голосом.

Он поймал лошадь, вскинул себя на ее спину. Назад дороги нет, там целый отряд стражи и загонщиков, но впереди сражаются волк и воевода...

Была не была! Он гикнул и направил коня вперед. Волк отодвинулся, давая дорогу испуганному насмерть коню, а когда воевода запоздало оглянулся, Зализняк уже пронесился мимо.

Конь освобожденно пронесся вперед в черную ночь. Зализняку показалось, что странный волк проводил его долгим насмешливым взором.

Глава 6

Мрак, забившись в глубокую нору, зализывал раны. Три от стрел, но самая болезненная – четвертая, когда кузнец впопыхах прищемил ему горло, едва не лишив жизни. Но все заживет как на волке, а шерсть встает дыбом только при воспоминании об ошейнике раба.

Надо же, попал в страну, где железа больше, чем бронзы! Даже больше, чем меди. Богатая страна, ибо железо дороже... Правда, говорят же, что в Куявию рухнула целая железная гора с небес. Он слышал, но считал брехней... А здесь даже ошейники рабов из железа, что едва не привело к гибели. Будь из любого другого металла, давно бы перекинулся волком и поминай как звали, но железу дана власть удерживать каждого в той личине, в какой застало!

Он облизал капли крови, задумался. После того как расстался с Олегом и Таргитаем, поиски той самой девы, которую видел на жертвенном камне Перуна, завели в эту страну. Здесь-то и увидел ее... или не ее, а лишь похожую, но именно это и погубило. Ошалелый, ничего больше не видя, неосторожно протиснулся вперед, толкаясь и наступая на ноги боярам, что-то нарушил, что-то сломал... Едва ушел. И почти сразу же попался во сне, как глупый волчонок... Словом, кто заступится за чужака, внесет залог или выкуп? Недели железный ошейник, что не давал обратиться в волка, и так при-

шлось грести на быстром корабле с длинными веслами.

Но сейчас на свободе. А прекрасная незнакомка, судя по ее богатой одежде, живет во дворце, что на горе. Там пять кордонов стражи, там охрана, там мышь не проскользнет незамеченной. А уж волк и подавно.

Теперь ночами он часто подкрадывался к стенам города, смотрел на дворец. Облитый лунным светом, тот стоял на высокой горе, по широкой лестнице даже в глубокую ночь проходили люди с факелами в руках, а в освещенных окнах мелькали изломанные человеческие фигуры.

Иногда ему казалось, что угадывает ее появление, и тогда его сердце начинало стучать с такой силой, что в эти минуты его можно было брать голыми руками. Если ветерок доносил со стороны детинца запахи, он всякий раз вычленял из них едва уловимый аромат ее кожи. По телу пробежала сладкая дрожь, он вскидывал морду к луне и выл в тоске и безнадежности. Она, чистая и светлая, во дворце среди людей, а он, лохматый волк, в темном лесу!

Встречая людей, всякий раз сворачивал в кусты и подолгу крался в сторонке. Разговаривали о житейских мелочах, перемывали друг другу кости, но Мрак собирал знания по зернышку, и к тому, что узнал на веслах, добавилось достаточно камешков, чтобы увидеть полную картину.

В Артании, где больше степи, народ привычно кочует, там самое большое и воинственное войско, люди там горды отва-

гой и воинской доблестью. Только земледелием стали заниматься тоже, из-за чего в самой Артании вспыхивают стычки между скотоводами и осевшими родами.

В Куявии, где половину страны занимают горы, народ растит хлеб и пасет скот, а в горах ищет металл, золото, редкие камни. Высоко в горах живут Змеи Горынычи. Прежние племена приносили им жертвы, но отважные охотники сумели пробраться в отсутствие родителей к гнездам, похитили первых крохотных детенышей. Змеи росли, считая родителями семьи охотников, затем, к удивлению и страху жителей долины, однажды увидели пролетающего Змея, на спине которого сидел человек! И этот человек не был добычей, он весело орал им и махал рукой.

Так в Куявии к прежним чародеям и волшебникам добавились новые. Сперва это были просто отважные охотники, что дальше других забирались в таинственные горы, сдруживались со Змеями и жителями подземных пещер, затем в самом деле начали овладевать более мощными силами, чем топор или меч... И даже более мощными, чем владели прежние колдуны!

Только Славия оставалась все такой же, как после отступления Большого Льда. Тогда образовалось великое Болото, но затем вырос дремучий лес, и в этом лесу жили невры. Но, как теперь знал Мрак, кроме их Светлого Леса был еще и Черный Лес, и Темный, и Светлолесье, и Залесье, и многое другое, где жили люди. Это племя назвало себя славами.

Славы, как и их тцар, не выходили из леса, об их жизни почти ничего не было известно. Два воинских отряда, которые отрядили туда для завоевания Тарас, а затем и его сын Буслай Белое Крыло, исчезли бесследно. Рассерженный Буслай отрядил туда целое войско, но и оно сгнуло, едва вошло в дремучий лес. С той поры о славах постарались забыть, хватало своих пограничных споров и стычек из-за пастбищ.

И вот теперь он, невр, которого все равно здесь зовут славом, в далекой и таинственной Куявии. Где-то в горах обитают обособившиеся роды, которые называют себя просто горцами, в долинах живут народы, что на горы смотрят с презрением, а на склонах гор живут третьи, что с презрением смотрят и на долинщиков, что возделывают поля, и на диких горцев, знающих только охоту на горных козлов и общение с таинственными рудокопами ночи.

Но что ему Куявия – видел и поудивительнее страны, – если бы здесь не жила та, Единственная!

На пятый день пробирался за деревьями, когда услышал разговор двух бредущих в город селян. Тоже о налогах, поборах, немного о бабах, и Мрак уже собирался отстать, когда вдруг услышал:

– Да кто бы его искал так долго?.. Сгинул тцар и сгинул. Видать, те двое не только зарезали, но и закопали тайком...

– Да уж, – донесся другой голос, – чего ждать от душегубов?

Мрак на бегу подпрыгнул над кустами. По ту сторону брел по узкой лесной тропе поживший на свете мужик, а за ним тащился, загребая ногами листья, парнишка в драных портках.

– Не отпустят тебя, значит, завтра домой?

– Нет, деда. Гостей столько прибыло, что днями и ночами варим, печем, с ног сбиваемся. Спим возле котлов.

– Бедолага...

– Эх, деда... Что-то будет? Этот тцар был хоть и дурной, но добрый. Он уже на все рукой махнул, только пил да жрал. А сейчас во дворце собрались звери, что вот-вот порвут друг друга на части! А самый лютый, что загрызет других, и станет новым тцарем.

– Упаси нас, боги! А как же Светлана?

Мрак услышал, как на беспомощно-растерянный вопрос внук ответил тоном умудренного челядинца:

– Эх, деда... Что может молодая тцаревна? И то чудо, что один раз с того света вернулась. А такое счастье дважды не бывает...

Их голоса удалились. Дальше был яркий свет, виднелись стены детинца, и Мрак вынужденно остановился на опушке. Отчаяние и злость на себя ударили по голове, как молот. Упал на землю, захрипел от злости на себя. А потом задрал морду к небу и завыл так дико и страшно, что на стенах детинца стражи переглянулись, чувствуя, как мороз пробежал по спинам.

– Не к добру...

– Какая тоска! – сказал с дрожью в голосе другой. – Быть здесь большой беде.

– Да уж... Среди бела дня такой вой!

Опять я виноват, думал он со злым отчаянием. Оказывается, от жертвенного ножа тцаревну спас – она тцаревна! – но вверх страну в смуту. А сейчас еще и тцар куда-то делся... Выходит, это над ее отцом он так изгалялся? Но куда он делся, если отпустили где-то в пяти-шести верстах от крепостной стены его стольного града? Трудно потеряться, да к тому же ищут сотни гридней с гончими псами... Если что-то стряслось, то что будет со Светланой?

Сегодня был седьмой день его пребывания в волчьей шкуре. По ночам подмораживало. Еще не время для снега, но ежели дня три кряду задуют северные ветры, то пригонит такую тучу, что и самым первым снегом засыплет хатки до окон, и не всякий хозяин утром с легкостью отворит двери.

Ежели снег застанет в волчьей шкуре, подумал он хмуро, то так даже лучше. Пусть труп расклюют птицы. Это лучше, чем люди будут брезгливо коситься на умершего под забором бродягу.

Он рыскал по лесу, вслушивался в звуки, внюхивался. Он уже знал здесь каждое дерево, каждую норку, при желании мог задрать всех оленей и тем самым сорвать царскую охоту.

Ночью обычно он рыскал в волчьей личине, а днем обитал

в людской. Волчья днем отсыпалась. Что еще любил в оборотничестве, так то, что мог бы годами обходиться без сна, попеременно ныряя из личины в личину!

Когда звуки охотничьих рожков поведали, что снова идет царская охота, он сделал большой круг, зашел с подветренной стороны и подкрался к охотникам.

Охотниками распоряжался высокий человек с бледным и бесцветным, как у покойника, лицом, надменный, изредка роняющий слова. Мрак узнал хозяина лодки, на которой его держали гребцом. В сторонке с двумя ловчими стоял рослый старик с белой окладистой бородой. Серебряные волосы падали на плечи, широкие и покрытые рубашкой из металлических колец. У него был звучный голос, привыкший перекрывать шум битвы, властные движения. Явно воевода: все воеводы, которых Мрак знал, похожи один на другого, как крепкие осмоленные бревна в стене крепости.

У него было честное лицо, прямой взор, такие завтра говорят то же самое, что говорили вчера.

– Почему, – спросил он строго одного, – ты стрелял в своего воеводу на охоте?

– Думал, что там лось.

– И когда ты догадался?

– Когда тот лось стал отстреливаться.

Старик раздраженно отмахнулся – что с дурнем говорить, а Мрак неслышно скользнул за кустами на другую сторону поляны. Там отдавал распоряжения бледный, а эти, как Мрак

убедился, даже вечером говорят иное, чем утром, а стоя вещают совсем не то, что говорили сидя.

Он был без доспехов, но слушались его почтительно. Приказы бросались выполнять стремглав, сами покрикивали по дороге, словно несли в зубах лоскуток его власти. Когда он остался один, к нему приблизился толстый с поросячьим лицом. Губы держал трубочкой, будто собрался причмокнуть.

– Кажан, – проговорил он негромко, – ты в самом деле вышел из преисподней! Только там можно научиться таким хитростям. Трудно было уговорить?

– Еще бы! Дядя исчез, какая тут охота. Пришлось долго вещать о государственной необходимости.

– Ха-ха! Получилось?

– Как видишь. Государственной нуждой можно оправдать все.

– Но как оправдать охоту? Уговорить тцаревну принять участие в кровавой мужской забаве, когда бьют оленей, псы душат зайцев, соколы бьют уток и перепелов!

Кажан слегка раздвинул губы, но глаза оставались как у замороженной рыбы:

– Все же лучше, чем рубка человеческих голов на току. Для нее лучше, раз их не посещает. Не желает, видите ли, зреть гибель несчастных людей на потеху тем, кто заплатил! Так что охота для нее в самый раз. Здесь скачка на горячих конях, красивые верные псы, смех, песни... А убивают оленей где-то далеко, ей даже необязательно самой пускать стрелы.

– Все равно, ее трудно выманить из ее сада.

– Только на охоту, только на охоту!

– Ну, – заметил Голик с похабной усмешкой, – ты смог бы, если бы захотел, уговорить и на большее.

Глухое рычание возникло в горле Мрака само по себе. Он стиснул челюсти, ни звука не вырвалось наружу, но зато перед глазами встала розовая пелена. Голика и Кажана видел отчетливо, особенно четко выступали их жилы, откуда под его острыми клыками брызнет сладкая кровь.

– Не знаю, не знаю, – ответил Кажан небрежно. – Не пробовал. Но слышал, что слывет недотрогой... Даже для того певца, что вьется вокруг нее со слащавыми песнями. И еще слывет абсолютно непорочной!

– Да, потому в прошлый раз выбор жрецов пал именно на нее!

– В силу ее непорочности?

– Голик, ты знаешь тайные причины... Но народ понял, что это правильно. Вся Куявия знала о ее чистоте и непорочности. И если бы не чудесное вмешательство богов... ведь жертва уже была принята!.. но почему-то вернулась в целости...

– Что сказали жрецы?

– Ты же знаешь!

– Знаю этих болтунов, что умеют говорить туманно о самых ясных вещах.

Снова прозвучали звуки охотничьего рога. Судя по всему,

загонщики гнали зверя в их сторону. Голик сказал негромко, но чуткое ухо Мрака услышало:

– Надеюсь, на этот раз у них получится лучше!

– У артанцев руки не оттуда растут. Это если бы наши взялись...

– Наши... Наши из-под артанского вора подошвы выпорют, а тот не заметит. Вон мой помощник Ковань! Тихий да незаметный, но его и в ступе не влупишь, куда хошь влезет...

Мороз пробежал по коже Мрака. С кем получится? Неужели опять постараются как-то удалить из этого мира Ее, что явно мешает чьим-то недобрым планам? Но на этот раз для верности уже не прибегнут к жертве.

Он попятился глубже в кусты, ибо лай гончих слышался все ближе. Этих собак не боялся, они хороши только на беззащитных оленей, но следом прется толпа галдящих людей. Каждый в одиночку – тля, но когда воедино...

По всему лесу теперь уже раздавались веселые крики, стук копыт. Среди зелени между деревьев замелькали празднично одетые всадники. На головах у некоторых развевались ленты, даже мужчины украшали головы цветами.

Мрак неслышной черной тенью скользил за кустами, прислушивался, быстро охватывал взглядом. В такой сумятице даже собакам непросто поймать его след, копыта тут же затопчут, а тяжелые благовония телесных притираний забивают волчий запах.

Однажды вроде бы ощутил ее запах, тень ее запаха. Вете-

рок менялся, цветные струи сливались, сплетались, и Мрак двигался из стороны в сторону, подпрыгивал, хватая запахи верхнего слоя, но и там все смешивалось, поднималось ввысь, где рассеивалось вовсе.

Пока искал, неосторожно высовывался из кустов, однажды ему едва не наступили на лапу копытом, ушел все еще незамеченным, сделал круг, забежал с другой стороны.

Резкий стук копыт заставил попятиться дальше в чащу. На поляну, ломая кусты, проломился храпящий конь. Он дико вращал глазами, ронял пену. На конской спине едва держался мальчишка лет десяти, бледный как мел, в разорванной одежде, на лице кровь. Он хватался за конскую гриву, еще издали заверещал тонким голоском:

– Тцаревна! Спасайте! Они напали...

К нему обернулись все разом, крики и веселье затихло.

– Кто? – рявкнул Голик. – Откуда?

– Чужие! – вскрикнул отрок, он вытер кровь разорванным рукавом. – Напали!

– Говори толком! Кто напал?

– Выскочили из кустов, сшибли с коня, стражу посекли...

Ее сразу на другого коня... как овцу...

Первым опомнился грузный воевода. С несвойственной для его дородности и возраста прытью метнулся к коням. Серебряная борода развевалась за плечом. Отроки не успели вывести коней навстречу, а воевода запрыгнул на крупного жеребца и уже оттуда крикнул подозрительно:

– А как ты уцелел?

– Я собирал опавшие листья! – вскрикнул отрок. – Для цтаревны, она букет составить хотела!.. Уехал далеко, а оттуда глядь – а они напали!

Но старый воевода не слушал, пустил коня в галоп, топчя людей, сшибая чужих коней в стороны. Все орали, носились по поляне, ловили своих коней, взбирались, разворачивались, сталкивались друг с другом и увеличивали суматоху.

Голик, переглянувшись с Кажаном, помчались следом. За ними неслись в затылок с десятков гридней, совсем не похожих на охотников.

Мрак от ужаса почти ничего не видел перед собой, кроме зловещей ухмылки Кажана, когда тот подмигнул Голику. Он уже несся длинными ускоряющимися прыжками. Вел нюх, воздух был полон плотных запахов, они топтали один другого, душили, но обостренным чутьем улавливал крупинки ее аромата и несся через кусты, ямы, валежины, прыгал и стелился над землей, как огромный черный ковер из мха.

Только бы с нею ничего не стряслось, только бы с нею ничего! Мразь всякая живет, топчет землю, а красивых отдают либо в жертву, либо воруют, либо... боги их рано забирают к себе в вирий, не дав ни им пожить на земле, ни людям порадоваться их красоте.

Пусть боги прямо сейчас возьмут его жизнь, даже на жертвенный камень, на муки и пытки, но пусть не обижают ее!

Глава 7

Он почуял мощную струю конского запаха раньше, чем услышал стук копыт. Их было шестеро, кони уже разогрелись от быстрой скачки по узкой лесной дороге с ее опасными поворотами. Светлану везут на втором коне, ее держит потный мужик, пахнувший жареным луком и гнилыми зубами. Замыкают отряд четверо на быстрых конях, в легких доспехах...

Ускорил бег как мог, услышал стук копыт, нагнал в последнем усилии, увидел наконец задних, зашел сбоку и прыгнул на лоснящийся от пота круп. Конь завизжал от страха, рванулся вперед. Мрак сомкнул челюсти на шее всадника, услышал хруст. Обезумевший конь догнал второго, и Мрак, не раздумывая, прыгнул прямо в побелевшее лицо с вытаращенными глазами.

Они рухнули оземь. Мрак умело оказался наверху и в момент удара о землю оттолкнулся и кинулся вдогонку за остальными. Оглушенный воин смотрел безумными глазами в клочок неба между вершинами деревьев.

Трое неслись тесной кучкой, и теперь Мрак уже увидел белое женское платье. Девушку крепко держал грузный человек, его огромный черный конь неся мощно, храпел грозно, хвост и грива развевались, темные как ночь. Впереди и позади было по человеку в легком копытном доспехе. Как

Мрак заметил, даже копыта не подкованы, чтобы кони скакали быстрее!

Он зашел сбоку, избегая конских копыт, прыгнул на круп. Всадник оглянулся, Мрак хищно ухватил его зубами за лицо. Когти вонзил поглубже, чтобы не сорваться в бешеной скачке. Всадник дико вскрикнул, и двое передних тут же оглянулись.

Сильные руки обхватили Мрака. Он сжал челюсти, но оба уже рухнули с коня. На этот раз упали неудачно для Мрака. Хотя всадник уже умирал, но пальцы в предсмертном усилии вцепились в густую шерсть, вырвали клочья.

Шатаясь, Мрак поднялся, пустился вдогонку. Копыта стучали еще чаще, но всадники поменялись местами, когда же Мрак начал догонять, задний сорвал с плеча лук и, оставив коня мчаться без поводьев, стал посылать стрелу за стрелой, стараясь попасть в черного зверя.

Мрак быстрыми скачками сокращал расстояние, когда одна стрела ударила в плечо, но лишь запуталась в шерсти, вторая больно клюнула в переднюю лапу. Он невольно замедлил бег, и всадник победно улыбнулся. Быстро и точно выстрелил еще, стрела ударила в лоб Мрака, отскочила, выбив клочок шерсти и оцарапав кожу.

От злости и отчаяния он в последнем усилии догнал, прыгнул, ухватил зубами за ногу чуть выше сапога. Всадник с криком выронил лук, но тут же в его руке блеснул короткий меч. Мрак поспешно стиснул зубы, ощутил, как рвется

под острыми клыками сухожилия, лопаются вены, переполненные кровью, успел ощутить сладко-соленый вкус крови, тут же разжал челюсти, но острый металл достал его в плечо, рассек, и Мрак ударился оземь так, что в глазах стало темно.

Его перевернуло трижды через голову, он вскочил, преодолевая боль, бросился вдогонку. Всадники уходили, но задний заметно отставал, его раскачивало, кровь забрызгала конский бок, ее относил ветром назад, и красные капли щедро усеивали тропу.

Мрак кое-как догнал, но ввязываться в драку не стал, всадник с белым от боли лицом смотрит только в спину переднего, а тот несется, не оглядываясь на раненого товарища.

Изо всех сил Мрак обогнал заднего, но дальше, как ни пытался, расстояние не сокращалось. Вороной нес двоих, но в раненой лапе стегало такой болью, что Мрак, как ни пытался, не мог бежать быстрее. Он чувствовал пену в пасти, из плеча сочилась кровь, ее срывало ветром, и мышцы слабели все больше.

В отчаянии он чувствовал, что начинает замедлять бег. Деревья уже не проскакивали по обе стороны, как размытые призраки, а двигались размеренными рывками. Однако мокрый зад коня маячил на том же расстоянии, Мрак слышал надсадное дыхание, чуял запах смертельной усталости, а всадник уже начал оглядываться. Его рука щупала рукоять длинного ножа, в то время как другой рукой он крепко прижимал к себе похищенную.

Мрак видел, как девушка дважды выглянула из-за плеча похитителя. Теперь он уже не сомневался, что это и есть та, которую он видел тогда на жертвенном камне. Глаза были огромные, испуганные на страдальческом лице. В голову Мрака плеснула ярость, из последних сил мышцы послали измученное тело вперед. Кто из нас больше сможет, мелькнула горячая мысль. Кто переможет, тот и победит...

Грохот копыт становился громче, на Мрака падали комья земли из-под копыт. Очень медленно он приближался, а когда до коня осталось не больше трех прыжков, Мрак ушел в сторону, из последних сил выдвинулся на полкорпуса, прыгнул.

В тот же миг шею пронзила острая боль. Мрак вцепился зубами в бедро врага, с усилием подтянулся. Всадник ударил его кинжалом снова, лезвие пробило кожу и уперлось в лопатку. Мрак с рычанием добрался до груди, щелкнул зубами у самого горла.

– Проклятье!

Враг выронил нож, обеими руками перехватил морду Мрака, с усилием удерживал, и тут конь на скаку повернул, Мрак ощутил, что они падают.

О землю ударился с такой силой, что сознание померкло. Враг оказался наверху. Сильные руки сжимали горло Мрака, в глазах пошли красные круги, а в ушах нарастал грохот. К счастью, волчья шея потолще человечесьей, да еще шерсть, и как ни наваливался враг, Мрак хрипел, но не умирал, на-

конец в какой-то миг извернулся, ударил передними лапами, расцарапывая лицо, попал в глаз. Противник отшатнулся, Мрак тут же перевернулся, вскочил на ноги, отпрыгнул.

Несколько мгновений они стояли друг против друга, оба запыхавшиеся, с горящими глазами. Мрак чувствовал, как струится кровь из двух ножевых ран, даже правая лапа подгибалась, не держала.

Девушка, оставшись одна, сумела остановить коня, повернула. Ее глаза со страхом и надеждой смотрели на огромного черного зверя, похожего на исполинского волка.

Мрак покосился на нее краем глаза, ощутил, как в мышцы прыгнула ярая ненависть. Этот человек смел коснуться ее, живой богини!

Он прыгнул, враг схватил его за горло. Несколько долгих минут они катались по земле. Мрак рвал зубами, царапал когтями, а человек тоже пустил в ход кроме рук еще и зубы. Однако волчьи зубы оказались длиннее и острее, а челюсти мощнее.

Мрак с рычанием потрепал неподвижное тело с перегрызенным горлом, поднял забрызганную морду к небу, коротко взвыл. Захрапел и попятился конь. Мрак поперхнулся, повернул голову к всаднице.

Девушка, бледная и дрожащая, пыталась заставить коня повернуть и скакать дальше, но тот заупрямился, видя неподвижного хозяина, начал бочком приближаться.

Светлана в испуге слезла с коня, который смел прибли-

зиться к страшному волку. Но за спиной стена мрачных страшных деревьев, там трещит, гукает, взрывает, и она застыла, как врытый в землю столбик, боясь шелохнуться.

Огромный черный зверь стоял над расprostертым похителем, дышал тяжело, часто. Широкая пасть была распахнута, длинный красный язык высунулся на всю длину, дрожал, жадно хватая воздух. Белые клыки смотрели страшно, как ножи, а ряд белых зубов способен был, как она видела, перекусывать руки, как хворостинки.

– Не ешь меня... – проговорила она дрожащим голосом, чувствуя себя, однако, глупо.

Волк посмотрел на нее жуткими желтыми глазами. С левой стороны головы шерсть слиплась, алые капли скатывались по морде, падали на землю.

Один из сбитых на землю воинов поднялся, шатаясь и держась за грудь. Потряс головой, приходя в себя после падения. Глаза обежали окрестности, он вздрогнул, видя расprostертые в лужах крови тела, затем его взгляд упал на испуганную девушку.

– А... – сказал он, и лицо его перекопилось радостью. – Все-таки не ушла!

Он прыгнул к ней, нога подвернулась, упал, но тут же вскочил и заковылял к ней, растопырив руки. Она завизжала, прижала кулачки к груди. Волк грозно зарычал. Воин, не обращая на него внимания, схватил ее грубо, поволок к коням.

Волк зарычал снова, рык был страшен. Царевна закричала снова, воин обхватил ее обеими руками, пытаясь вскинуть на седло. В этот момент он ощутил удар в спину, выпустил девушку, попытался обернуться...

Царевна услышала короткий хруст. Воин сразу обмяк, сполз по боку коня. Тот в страхе перед волком отпрянул, воин рухнул вниз лицом. Из раздробленного затылка струилась темная густая кровь.

Теперь волк был рядом, касался ее ноги шерстью. А когда бока раздувались от частого дыхания, она чувствовала прикосновение к ее ноге теплого сильного тела, покрытого плотной жесткой шерстью, твердого и горячего.

Она стояла замерев, слыша только его хриплое дыхание. Этот странный зверь снова спас ее. Если в первый раз мог напасть просто одержимый жаждой убийства, то сейчас бросился именно на этого человека. Или когда-то воины его ранили, и в сумеречном мозгу запечатлелся облик мужчины с оружием?

Если так, то ее он, может быть, и не тронет...

– Тебе очень больно? – спросила она, боясь шелохнуться.

От него пахло сильно, это был запах сильного лесного зверя. Но в этом запахе было и что-то странно приятное, возбуждающее. Она робко опустила глаза, глядя на его лобастую голову, где слева шерсть слиплась, торчала коричневыми клочьями. Пасть была распахнута, язык высовывался на локоть, красный и влажный, дыхание оставалось сиплое, ча-

стое.

Осторожно, замирая от ужаса, она робко опустила руку. Кончики пальцев коснулись его шерсти. Волк вздрогнул, но не шелохнулся. Уже смелея, она почесала ему за ушами, все звери любят, когда их гладят и чешут, присела на корточки. Волк не двигался, только скосил на нее жуткие желтые глаза, и она внезапно поняла, что лесной зверь старается не напугать ее!

– Ах, ты ж, мой чудесный, – сказала она еще со страхом, ибо его пасть оказалась на уровне ее лица, – ты такой герой...

Он осторожно лизнул ей руку. Язык был горячий, без привычной кошачьей шершавости. У нее побежали по телу сладкие мурашки. Она уже увереннее гладила его по голове, ласково трогала уши, отыскала платочек, заботливо вытерла кровь из раны над левой бровью. Волк терпел, хотя она видела по дрожанию век, что ему больно.

– Ты мой хороший, – сказала она участливо. – Но мужчины должны терпеть боль... А шрамы мужчин украшают. У тебя будет красивый шрам.

Волк приподнял голову, вслушивался. Уши дрогнули, подвигались, чуткие и настороженные. Вскоре и Светлана услышала далекий топот копыт. Кони шли галопом, трещали кусты, слышались встревоженные крики.

– Уходи, – шепнула она. – Это мои телохранители. Если увидят тебя рядом со мной, то сразу выпустят тучу стрел, а стреляют метко.

Он лизнул ей руку, снова послав по ее телу целую тучу сладких мурашек, тяжело вздохнул и попятился в кусты. Там остановился, глядя на нее желтыми глазами. Взгляд жутких глаз был совсем не страшным.

– Уходи, – повторила она громче. – Они уже близко!

Волк попятился еще, но морда оставалась торчать из кустов. И лишь когда всадники с грохотом выметнулись на дорогу, он бесшумно отступил, зеленые листья сомкнулись, как покрытая ряской вода болота. Однако Светлана почему-то была уверена, что странный зверь, невидимый для других, наблюдает за ней и оттуда.

Первым к ней подскакал Рогдай. Спрыгнул, похожий на огромного разъяренного снеговика, меч в руке, сам взъерошенный, бросился к ней, а воины за его спиной торопливо переворачивали убитых и раненых, добивали, собирали доспехи, сапоги.

Рогдай закричал:

– Светлана, ты цела?.. Кто это был?.. Что произошло?

Он набросил ей на плечи плащ, тревожно всматривался в лицо. Светлана пугливо повела очами по сторонам:

– Я ничего не знаю. Какие-то люди выпрыгнули из кустов, убили моих людей...

– Мы нашли их тела, – быстро сказал Рогдай. – Умелая работа. Но какие умельцы сумели их самих?

Светлана покосилась на зеленую стену. Показалось или в самом деле блеснул желтый глаз? Отвернулась, почему-то

храня тайну, сказала устало:

– Отец говорил, на силу всегда находится сила. Но кто это был?

– Люди Артании, – сказал Рогдай зло. – По крайней мере, на них похоже.

– Что они хотели?

– Если бы знать... Может быть, тоже предложить богам? Но уже от себя?

Светлана зябко передернула плечами. По коже побежали пупырышки. Воины уже изловили артанских коней, собрали оружие. Один подошел, покачивая головой. Глаза были недоумевающие.

– Воевода... Кто это был?

– Артанцы, кто же еще, – зло оскалил зубы Рогдай.

– Нет, кто их побил? Больно чудно.

– Что тебе не так?

– Ни одного зарубленного или заколотого.

Рогдай насторожился:

– А какие?

– Загрызенные, – выпалил воин. Увидев лицо воеводы, даже отшатнулся, но упрямо повторил: – Загрызенные! Что я, не видел загрызенных коров? У нас однажды волки такое устроили! А тут прямо горла порвал, куски мяса долой...

Рогдай морщился, оглядел убитых. Почти у каждого на лице застыл неопиcуемый ужас. У троих глотки просто вырваны напроць, кровь еще заливает землю, впитывается

нехотя. Хорошо видны следы острых зубов.

Светлана опять покосилась на кусты. Там было тихо, но она чувствовала, что даже если странный зверь и попятился еще дальше, чтобы не пугать запахом коней, то слышит их, а то и наблюдает.

– Кто это был? – спросил Рогдай озадаченно.

Светлана замаялась, Рогдай жестом уснул воинов, и она сказала тихонько:

– Я не знаю, что это за странный волк... Огромный, чер- ный! Он погнался за похитителями, прыгал на коней и уби- вал их, а когда остался только их вожак, то они схватились грудь в грудь. Артанец ранил его дважды... еще стрелами то- же, но он загрыз и последнего.

Рогдай смотрел с недоверием:

– И не тронул тебя?

– Сама удивляюсь, – призналась она. Плечи ее передерну- лись снова, сами по себе.

– Гм... На месте любого волка всякий бы сожрал именно тебя. Ты такая нежная, сочная, лакомая, чистенькая! А он, дурень, грыз крепкое мужское мясо.

Она покачала головой:

– Это еще не все. Я гладила его! Поверишь ли, даже че- сала.

Рогдай смотрел отсутствующими глазами:

– Ну, это все мужики любят, когда гладят и чешут. Ладно, для нас охота закончена! Возвращаемся. Надо разобраться,

как эти люди сумели пробраться через три кордона стражи. И кто поплатится за это головой. А поплатится точно! Я прослежу.

Он помог ей сесть на коня. Воины окружили их кольцом. Так и ехали, невольно вытягиваясь в цепочку только там, где дорога сужалась до узенькой тропки.

К вечеру уже все во дворце и во всем детинце знали, что стряслось на охоте. Воины рассказали немало страстей, и, когда к Светлане зашел Рогдай, она уже знала, чем еще встревожен старый воевода.

– Я не знаю, что это за зверь, – повторила она. – Это был волк, но очень большой волк. И очень сильный.

Рогдай гладил ее по голове, рука подрагивала.

– Милая... Что это в мире творится? Много напастей, а тут еще этот волк. Хоть и помог, а еще больше запутал. Артания – страна Боевых Топоров, там отвага, честь, верность слову и долгу. Куявия – страна землепашцев, крепкая городами, волшеббу не любит, колдунов сжигает на кострах. Правда, в горах живут чародеи, рудокопы и Змеи, но они к нам не ходят, мы их тоже не тревожим. Есть еще Славия – страна дремучего леса, болот, упырей, всякой нечисти. Мы почти ничего не знаем о тамошних людях. Других стран, как известно, на белом свете нет. Откуда же этот волк, если о таком ничего не слышно даже в Артании, где всякой нечисти хоть... гм... словом, много?

– Но откуда ж он?

– Не из Артании, – повторил Рогдай. – Я, прежде чем идти сюда, говорил с волхвами. Головы дают наотрез, что в Артании таких волков нет. Есть серые, обычные. Овец воруют, корову иной раз задерут. Конечно, их головы ничего не стоят, но сами они считают себя ох какими ценными! Впрочем, я слыхивал, в древности правители держали таких... или похожих зверей вместо телохранителей. В те времена, когда не было ни Артании, ни Славии, ни Куявии. Лучше этих зверей вообразить трудно. Их не подкупишь, не посулишь место ближе к государю по службе. К злату равнодушны. За хозяина отдадут жизнь только потому, что любят, боготворят! Если твой рассказ верен, я хотел бы на него взглянуть.

– Я тоже, – призналась она. – Хоть я и боюсь так, что начинаю трястись, но меня просто тянет увидеть его снова. Он пугает меня и... привлекает.

Рогдай посматривал на нее искоса, словно бы с недоверием. Сказал хмуро:

– Просто невероятно... А я не люблю невероятного. Царевна, а если нам побывать в том лесу еще раз?

– Зачем? – удивилась она, но в сердце затеплилась надежда. – Думаешь, волк покажется снова?

– Волки – не гуси перелетные, у него может быть там нора.

Она в задумчивости покусала губку. Суровое лицо Рогдая было непроницаемо, но она чувствовала его нетерпение.

– Если нора, – сказала она, – то и волчица с волчатами?

Он покачал головой:

– Вряд ли... Это пришлый зверь-одиночка. Иначе о нем бы уже слышали от сельчан.

– Хорошо, – решила она. – Но поедем только вдвоем. Он не выйдет, если нас будет много. Или накинется на всех, и вы его убьете, а я не хочу.

Рогдай кивнул:

– Мы поедем отрядом. И в тайне! Но их пошлем в стороны, чтобы обезопасить от внезапного нападения... Хотя не думаю, что оно возможно. Такое готовится задолго, тщательно. О царской охоте знали, знали даже, кто где будет стоять... Словом, в чащу пойдем вдвоем.

– Вдвоем?

– Одной слишком опасно.

– Он может напасть на тебя!

– Если я увижу, что не разъярен, не готовится напасть... а в повадках зверей разбираюсь, то я отступлю.

Она спросила с оттенком подозрительности в голосе:

– А почему так хочешь его увидеть?

Он усмехнулся, выставил вперед открытые ладони:

– Тцаревна, я на твоей стороне. Но этот волк, так неожиданно пришедший на помощь, спутал чьи-то планы... Я буду не прочь, если спутает еще.

В молчании выехали во главе двух десятков воинов, отобранных самим Рогдаем, так же в молчании свернули с дороги и углубились в лес. Пока деревья стояли редко, ехали сво-

бодно, лишь пригибались под низкими ветками, но за лесным ручейком потянулся опасный кустарник, когда конь не видит, куда ставит копыто, да и в зеленой чаще можно спрятать целый отряд лучников.

Рогдай беспокоился, порывался послать людей прочесать кусты хотя бы на полет стрелы вокруг, но сам же сдерживал себя, объяснял цтаревне виновато, что тогда волка спугнут уж точно.

Светлана с сильно бьющимся сердцем осматривалась по сторонам. Теперь, после внезапного нападения, лес казался чужим и страшным.

– Вон там это было, – сказала она наконец.

– Да помню... Только где он? Даже следов не видать.

– Что тут увидишь? – удивилась она.

– Я увижу, – пообещал он. – Я не родился воеводой.

Глава 8

Рогдай слез, долго бродил, разглядывая землю, срывал листья с кустов, нюхал, нагибался и шупал траву. Другие следопыты тоже искали, но Рогдай доказал даже им, что в самом деле не родился воеводой, а успел кое-чему научиться. Когда к нему подбежал обрадованный следопыт, Рогдай указал на едва заметный отпечаток лапы:

– Матерый, крупный, шерсть черная, ранен в правую лапу... Все верно?

– Верно, – вздохнул следопыт. – И еще голодный.

– Или что-то беспокоит, – поправил Рогдай строго. – Так много бегают не только от голода. Ну, а теперь собери всех и прочь, за дорогу. Чтоб ни один не перешел на эту сторону!

– Как скажешь, – поклонился следопыт.

Рогдай кивнул на своего коня и кобылу Светланы, следопыт утащил их под уздцы. Вскоре за деревьями прогремел удаляющийся конский топот. Светлана тревожно оглядывалась по сторонам. Деревья стояли толстые, уходящие в небо. В дуплах поблескивали злые глаза, под ногами были темные перепрелые листья.

– В прошлый раз я не так боялась, – призналась она.

– В прошлый, – хмыкнул Рогдай, – в прошлый у тебя был такой защитник!

Он бродил по поляне, наконец кивнул:

– Пойдем по этой тропке.

– Где ты видишь тропку?

– Он ушел туда.

Без колебаний он раздвигал кусты, переступал валежины, обходил широкие ямы, всматривался в траву. Светлана тащила следом, вздрагивала от любого шелеста. Над головой прыгали звери, ветви трещали под их тяжестью. Вниз сыпались чешуйки коры. Однажды вниз медленно опустилось широкое радужное перо, дивное и сверкающее, но Светлана со страхом заметила на нем капельку крови.

Они прошли версты три, прежде чем Светлана поняла, что двигаются зигзагами, снова и снова возвращаются на свои же следы. Рогдай мрачнел, нагибался все ниже, ворчал под нос.

– Нам не найти? – спросила Светлана тихо.

– Ну, не знаю, – отозвался Рогдай раздосадованно. – То ли видит нас... и не подходит, то ли что-то еще, не знаю. Что делать будем?

Светлана обвела взглядом мрачный мир дремучего леса. Как в подвале, когда воздух влажный, а стены будто сдвигаются. Деревья высятся темные, недобрые, потихоньку подвигаются поближе, норовят толкнуть или хотя бы подставить под ногу выпяченный из-под мха корень.

– Возвращаемся? – спросила она.

– Да, – согласился Рогдай с досадой. – Авось в другой раз повезет больше.

Но по голосу старого воеводы Светлана поняла, что больше сюда не явится, как и ее не отпустит. Она повернулась в сторону дороги, охнула:

– Да вот же он!

В сотне шагов, на возвышении, стоял тот самый огромный волк. Его силуэт четко вырисовывался на фоне голубого неба. Он стоял недвижимо, смотрел на них сверху.

– Ящер его задери, – сказал Рогдай с восхищением. – Я же послал людей прочесать лес!

Она остро взглянула, голос был как острый нож:

– Разве мы не договорились?

– Да, но... твоя жизнь сейчас стала еще дороже... Хотя это сейчас неважно. Волк нарочно встал так, чтобы увидели издали!

Она прошептала, словно волк мог слышать:

– Ты оставайся здесь. Я пойду одна.

Его брови сомкнулись над переносицей:

– Ты уверена?

– Теперь да.

Он порывался что-то сказать, но она жестом заставила замолчать. Ноги сами понесли к могучему зверю. Она не видела, каким внимательным и оценивающим взглядом провожал ее старый воевода. Теперь ласковое тепло уступило место холодному расчету.

Волк стоял все так же неподвижно, боком, только голову повернул и следил за нею хищными желтыми глазами.

Избегая кустов, она медленно приблизилась к возвышению. Волк помахал хвостом, но с места не сдвигался.

– Иди ко мне, – сказала она негромко. – Я не боюсь.

Хотя внутри все замирало от страха, но заставила себя стоять неподвижно, когда он опустил голову и медленно пошел к ней, часто махая хвостом из стороны в сторону. Так делали собаки, она видела, но что означает это у волков, не знала. Правда, если Рогдай говорит, что волки и собаки пошли от одного отца...

Он приблизился к ней и лизнул руку. Язык был все такой же горячий, влажный и нежный, без той шершавости, которая у всех кошек, наполняющих покои царственных особ.

– Ты мой хороший, – сказала она, и голос ее на этот раз не дрожал. – Я хочу, чтобы ты стал моим другом.

Волк посмотрел ей в глаза жутко понимающим взором, помахал хвостом. Ободренная, она продолжала:

– Мы сейчас вернемся... Там ждет мой двоюродный дядя. Он тоже друг. Его есть нельзя! Понимаешь?

Ей показалось, что в желтых глазах мелькнул насмешливый огонек. Волк чуть наклонил голову. Может быть, устал смотреть ей в глаза неотрывно, но она предпочла думать, что понял.

– Пойдем, – пригласила она. – Пойдем!

Волк качнулся вперед и – у Светланы едва не выпрыгнуло сердце от ликования – пошел рядом. От него пахло сыростью, словно долго лежал в глубокой норе, но одновремен-

но она ощущала давно забытое чувство надежности, словно ее несли через темный лес могучие руки сильного и доброго отца.

Рогдай сидел на пне недвижимо. Лицо побледнело, губы были плотно сжаты. Боится, подумала она с удивлением. Покосилась на медленно бредущего рядом зверя. Господи, да он в самом деле страшен. Это тогда лишь она, наполовину мертвая от ужаса, как-то не испугалась... или испугалась не до смерти.

– Вот мой друг и спаситель, – сказала она независимо. – А это... мой двоюродный дядя, зовут его Рогдай.

Рогдай все еще не шевелился. На лбу заблестели мелкие капельки пота. Хриплым шепотом спросил:

– Ты уверена... что не кинется?

– Нет, – ответила она честно. – Но ты видишь, он даже не рычит!

– Эти бросаются сразу. Как его зовут?

Она в затруднении погладила по густой плотной шерсти:

– Не знаю... Но как-то назвать надо. Он вышел из чащи внезапно... Может быть, Лесной?

– Все звери лесные, – заметил Рогдай, голос был все еще неустойчивый, шевелиться не решался, пусть волк привыкает к его запаху, а тот смешается с запахом тцаревны. – Что-нибудь яростное, злое, вроде Зверь, Дикарь, Сила...

– Нет, – сказала она, – в нем больше тайны. Он вышел из лесной тьмы, так что лучше: Тьма, Тайна, Мрак...

Волк под ее пальцами чуть вздрогнул. Она остановилась, переспросила:

– Тебе нравится имя Мрак?

Волк наклонил голову и завилял хвостом. Рогдай очень медленно поднялся, не сводя взора с огромного волка.

– Теперь бы его как-то привязать...

– Я не хочу его держать на веревке!

– Тцаревна, его убьют на входе во дворец. Стражи будут бояться и за себя, и за других. А скажут, что защищали тебя... Когда зверь на крепкой веревке, то другим спокойнее.

Он медленно, все еще не отводя взора от волка, вытащил из сумки длинную толстую цепь с прочным железным ошейником. Волк зарычал, шерсть на загривке поднялась. Светлана торопливо погладила, пропуская сквозь пальцы густую шерсть. Странное, ранее не испытываемое чувство коснулось ее груди. Она задержала руку в волчьей шерсти:

– Он не хочет!

– Но, тцаревна...

Она быстро сняла свой пояс, завязала на толстой шее волка.

– Так вас всех успокоит?

– Да, но... – в его глазах было восхищение, – это рискованно... Если волк испугается чего-то сам, он тебе оторвет руку.

– Я ему верю.

– А я нет, – признался он.

Она держала пояс за самый кончик, да и то пальцы касались жесткой черной шерсти. Волк посматривал то на нее, то на Рогдая желтыми раскосыми глазами. Пасть его была распахнута, язык трепетал, высунутый на локоть, словно волк все еще не мог прийти в себя после бега.

Телохранители возвращались двумя группами. Тцаревна шла пешком между ними, ибо ни один конь не подпускал к себе близко черного волка, а сами воины тоже не рисковали приблизиться к страшному зверю. Он всякий раз предостерегающе приподнимал верхнюю губу, а в глазах вспыхивал лютый огонь.

Так и вошли в городские ворота, прошествовали через город и подошли к воротам царского сада: впереди десяток бравых гридней, за ними на расстоянии двух десятков шагов – гордая тцаревна. Пальцы правой руки ее были на загривке огромного черного волка. Далеко позади ехали на дрожащих конях остальные стражи.

– Вот мой дом, – сообщила она волку. – Не пугайся, здесь все друзья... Ну, не все, но кусать никого не надо... пока.

Волк посмотрел ей в глаза. Ей показалось, что он прекрасно ее понимает. Во всяком случае, странный зверь совсем не пугался множества людей, незнакомых запахов, вообще не страшился, что вместо знакомых темных стволов с обеих сторон высятся дома из гранитных глыб.

У входа во дворец, загораживая дорогу, стоял массивный

толстяк устрашающего вида. Поперек себя шире, с выпирающим животом, краснорожий, с толстыми мясистыми губами. Огромные толстые усы падали на грудь, глаза, как у совы, круглые, навывкате. Низкий лоб рассекал страшный шрам, настолько глубокий, что белеет кость. Шрам рассек бровь надвое и сполз на скулу, где тоже виднеется кость. Глаз, судя по всему, был цел, смотрел хитро и весело.

Он сказал изумленно могучим хриплым голосом пропойцы:

– Клянусь этим шрамом, что остался от меча несокрушимого Тараса... это же волк!

Рогдай покачал головой:

– Ховрах, в прошлый раз ты говорил, что это артанец сданул топором.

– А мне, – добавил один из телохранителей, – что горный великан сбросил на него скалу.

– Да ладно вам, – сказал начальник стражи, – чего пристали. Сами знаете, что бедолага хряпнулся мордой об острые камни, когда в прошлом году его, пьяного, выбросили из корчмы.

Уже повеселев, поднимались по ступенькам, а толстяк, как заметил Мрак боковым зрением, ничуть не обидевшись, укоризненно покачал головой. От него шел могучий запах вина, а слева на поясе висела едва прикрытая длинной кольчугой объемистая баклажка.

Они поднимались по лестнице, когда впереди раздался

звонкий детский крик. Простучали частые шаги, мелькнуло нечто розовое. Мрак не успел опомниться, как маленькие ручки обхватили его за шею. Счастливый детский голосок заверещал прямо в ухо:

– Ой, какая большая собачка!

Телохранители остолбенели, боясь шелохнуться, а Светлана пугливо вскрикнула:

– Кузя, застынь!.. Не шевелись!

К Мраку прижалась маленькая девчушка, лет семи-восьми, большеглазая и с громадным бантом в рыжих волосах. Глаза ее были счастливые, она вцепилась в застывшего Мрака как клещ.

Светлана осторожно взяла ее за руку:

– Кузя... это большой и страшный волк, а не собачка...

Будь осторожна. Лучше отойди.

Но ее маленькие ручки продолжали цепляться за его шею. Мрак не шевелился, смотрел на Светлану, осторожно лизнул тоненькие, как прутики, руки ее маленькой сестры – видно по всему, что сестра. Светлана сказала все еще с дрожью в голосе:

– Ладно... пойдете.

Кузя не сдвинулась с места, Мрак чувствовал на шее ее тонкие ручонки.

– Что ты делаешь? У тебя там полно противных кошек.

Светлана закусил губу:

– Ах да... Что же делать?

Кузя сказала радостно:

– Собачка будет жить у меня! Я кошек не люблю.

– Нет, – сказала Светлана, кивком подозвала служанку: –

Немедленно убрать всех кошек.

Служанка ахнула:

– И даже пушистика Цацу?

Светлана на миг заколебалась. Взгляд ее метнулся к Мраку, служанке, снова к Мраку. Плечи зябко передернулись:

– Цаца очень красиво умывается. Но если бы меня душили на ее глазах, она бы... умываться не перестала.

Так и явились в большую комнату: со стражей, с маленькой Кузей, счастливо повисшей на большом черном волке. Рогдай вошел вслед за сестрами, он тоже был напряжен, с волка не сводил глаз.

Мрак прошел к большому ковру посреди комнаты, лег. Кузя сразу повалилась сверху, начала заглядывать в уши, раскрывать ему пасть и ужасаться большим зубам, чесала, гладила, целовала в морду, и Мрак нашел ее внимание хоть и приятным, но надоедливый.

Рогдай все еще опасно глядел на волка.

– Где его поместить?.. Рядом с комнатой стражи есть каморка.

Мрак встретил прищуренный взгляд воеводы. Что-то у того было на уме.

– Это потом, – сказала Светлана, – пусть пока побудет

здесь. Обнюхает все, привыкнет. Ему здесь должно быть странно!

– Я бы так не сказал, – заметил Рогдай, глаза его были очень внимательными. – Он держится так, словно ему здесь все знакомо.

– Или он очень устал.

Рогдай не дурак, подумал Мрак. Но если сейчас встать и начать обнюхиваться, то получится, что я еще и понимаю, о чем говорят.

Он сел, изогнулся и начал остервенело чесаться задней лапой за правым ухом. Ощущение было столь сладким, что почти забыл, где находится, драл когтями так, что кожа скрипела, рожу перекосил страшно, глаза от удовольствия прикрыл, а клыки, напротив, обнажил.

– У него блохи? – вскрикнула Светлана встревоженно.

– Или клещи, – добавил Рогдай знающе. – Его лучше прямо сейчас отвести к моим воям.

– У тех тоже клещи?

– У них дубленая кожа. Клещ зубы обломает. А ежели переползет на тебя, то проест насквозь.

Кузя, вцепившись в густую шерсть, влезла на Мрака верхом и возразила гневно:

– Ни за что! Собачка будет в моей комнате. А противных клещиков я сама выберу.

Телохранители стояли с постными лицами. Глаза их были настроженными. Не столько за тцаревен бояться, подумал

Мрак, сколько за свои портки.

А Кузя счастливо валялась с Мраком на ковре, дурачилась, кусала его за уши, ощупывала, мяла детскими ладошками:

– Ой, какие у тебя большие уши!.. Зачем они тебе? Ага, чтобы лучше слышать... А зачем такие большие лапы?.. Ага, чтобы лучше бегать... А зачем тебе этот хвост?

Это не хвост, хотел было ответить Мрак, чувствуя, что краснеет. Рогдай прав, его место поближе к наемным гридням. Там, кстати, и кухня недалеко.

Рогдай посмотрел на ребенка строго:

– Не пристало младшей тцаревне... весьма юной!.. столь внимательно ощупывать... э-э... лесного зверя. Если бы волчицу, то еще куда бы ни шло...

Светлана оторвала Кузю от Мрака, та сразу заревела и стала брыкаться. Мрак вздохнул с облегчением. Явилась служанка, молодая круглолицая девка. На волка смотрела с ужасом.

– Яна, – сказала Светлана властно, – это мой друг и спаситель Мрак. И обращаться с ним надлежит, как с моим другом.

Яна обошла Мрака вокруг, убедилась, что тот не бросается грызть ее сдобное тело, осмелела, уперла руки в бока и уже оглядела его критически:

– Пес... Да еще такой громадный!.. Не линяет?

– Да вроде бы нет, – ответила Светлана и пошупала его

густую шерсть. – Пока нет.

– Они все весной линяют, – пробурчала служанка. Она поспешно сдернула с кровати роскошное одеяло, что свисало до самого пола. – Слава богам, сейчас осень.

– Зачем ты забираешь?

– Царевна! Кобель должен пометить все в новом доме! У них привычка такая. А когда такая туша брызнет, то зальет все. А с твоего белья желтые пятна выводить трудно.

Царевна наморщила носик:

– А нельзя, когда захочет, быстро вывести в сад?

– Нельзя, – отрезала Яна убежденно. – Он должен сперва все здесь пометить. А потом будет сам проситься в сад. Чтоб и там пометить.

Светлана вздохнула:

– Ну ладно. Помечай все... Это сильно пахнет?

– Пахнет? – хихикнула служанка. – Это такая вонь, такой смрад!

– Но потом будет проситься в сад? – с надеждой переспросила Светлана.

– Конечно! Старые метки подновлять надобно. Чтобы не выветривались!

А в самом деле, подумал Мрак. Пора бы уже и... Так и тянет побрызгать всюду, оставить свой запах, чтобы другие волки знали его территорию. Надо будет побрызгать и на Светлану с Кузей... гм... здесь же нет волков, это ж дворец! Здесь люди, а они хоть и хуже волков, но метят свое по-дру-

гому.

Он прошелся по комнате, понюхал. Светлана смотрела искательно. Мрак мотнул головой в сторону окна.

– Он просится! – воскликнула Светлана.

– Такой зверь может проситься?

– Я не о том... ну, он просится в сад! – воскликнула Светлана. – Ну, правильно, он привык брызгать только на деревья!

– В лесу нет такой мебели, – поддержала ее рассудительно Кузя. Ее детские глаза смотрели по-взрослому серьезно. – Он там пометит, а спать будет здесь... в моей комнате.

– Кузя!

– Он меня любит, – заявила Кузя упрямо. – Ну, пусть не еще, но потом полюбит! А я его люблю уже сейчас.

Она снова обхватила Мрака за шею, зарылась в шерсть. Пока он не высвободился, быстро почесала ему за ухом, сунула детские пальчики в уши и поковырялась там, и разомлевший Мрак решил, что сестра Светланы, когда подрастет, будет знать, как обращаться с мужчинами, что тоже волки, только уродливые.

Наконец-то я во дворце, мелькнула счастливая мысль. Теперь Светлана совсем близко. Здесь везде ее запах, и уже от этого готов подпрыгивать в щенячем восторге, визжать и скулить. Еще когда поднимался по лестнице, а запах становился сильнее и сильнее, уже готов был от счастья падать на спину и месить воздух лапами!

От двери послышался скрип кресла. Рогдай, всеми забытый, медленно поднимался. Шлем он снял, и длинные седые волосы мощной волной обрушились на плечи, сомкнулись с серебряной бородой. Морщинистое лицо было серьезным.

– Ладно, отдыхайте. А волка помести в каморку Яны. Пусть и под рукой будет, и под ногами не путается.

– А я? – воскликнула Яна.

– А ты в общую девичью, – рассудил Рогдай. – Верно, Светлана?

Яна явно собиралась возразить, затем ее глаза блеснули, она широко улыбнулась:

– Добро... Как скажет тцаревна.

– Дядя сказал дело, – рассудила Светлана. – Мрак, иди-ка сюда...

В ее покоях была внутренняя дверь в крохотную каморку для служанки. Та должна являться даже на тихий зов, потому дверь была из тонкой доски, которую можно проткнуть пальцем.

Пока Рогдай со Светланой беседовали, Мрак оглядел свое новое место. Толстые стены из каменных глыб, толстые ковры на стенах, массивные стол и кресла. Так и веет надежностью для всякого, кто человек, а не волк. А волк сразу почувует, что от одной из стен тянет иным запахом. Да и звуки отражаются иначе. Правда, волк вряд ли часто бывает в этой комнате, а если окажется, то вряд ли у него такое спросят.

Мрак торопливо понюхал толстый ковер. Даже ухватил

зубами, приподнял край. Все как есть, серый камень. Если верить глазам. Люди им верят, хотя и говорят иной раз: глазам своим не верю. Говорят еще: куяв не поверит, пока не пощупает. Но здесь даже на ощупь камень всюду. Только волчий нос и уши могут сказать, что на самом деле за ковром простые доски. Тонкие, слышно каждое слово из той комнаты. Судя по запаху смолы, доску помазали живицей и щедро посыпали каменной крошкой. И этот камень, который заменили доской, достаточно широк, чтобы пролез человек. Даже если он грузен!

Глава 9

Во дворце только и разговоров было, что о странном звере. Похоже, рассказ тцаревны о спасении огромным волком подтвердился. Лесной зверь, которого она привела на шелковой ленточке, оказался крупнее обычного волка, массивнее, в каждом движении чувствовались несокрушимая мощь и звериная ловкость. Зверь не отходил от нее ни на шаг, сидел у ног во время обеда, а затем вместе отправились в летний сад.

Бояре опасливо держались в отдалении. Волк не бросался, но недвусмысленно рычал, а уголок верхней губы приподнимался, показывая острые как ножи белоснежные клыки. Вскоре все поняли, что если на зверя внимания не обращать, то и он смотрит на них как на пустое место. Большой частью просто дремал, лежа на медвежьей шкуре, а вскакивал, лишь когда Светлана куда-либо уходила. Она не решалась брать с собой всюду, хотя он опускал голову и прижимал уши, показывая, какой послушный, не все разделяют ее мнение, и так испуганные вопли слышатся по всему ее пути, если даже ведет волка, держа за шерсть!

Волк норовил втиснуться за нею в любую щель. Смеясь, Светлана захлопывала дверь, и тут же волком завладевала ненасытная Кузя. Не по-детски серьезно проверяла шерсть, клещиков не оказалось, чистила уши. Волк не возражал, бла-

женно жмурился, лишь иногда дергал ухом, если залезала чересчур глубоко, подставлял охотно другое, а когда закончила чистку, перевернулся снова. Кузя расхохоталась:

– Это ухо я уже чистила!

Волк раскрыл пасть, лизнул ее в нос. Она засмеялась еще звонче:

– Ага, подлизываешься?.. Какой хитрый! Ладно, почищу еще раз.

А потом чесала, Мрак блаженно шурился, чувствуя детские, но достаточно умелые пальчики в своей шерсти. Сперва чесала ногтями, потом принесла густой гребень, расчесывала старательно, выбирая мелкие колючки и сосновые иголки.

По жаркому воздуху, наполненному пряными запахами, плыли легкие звуки, и Мрак будто увидел бегущий лесной ручеек, блики на струях, блестящие спины камешков. Кто-то поблизости играл на дуде, играл красиво и умело.

Насторожившись, но в радостном предчувствии Мрак понесся такими стремительными прыжками, что придворная челядь шарахалась в страхе, прижималась к стенам.

Под стеной, на лавках и прямо на полу сидели воины, свободные от стражи, два-три челядина, в дверях виднелись измазанные в копоты мордочки помощников стряпух. На дуде играл красивый парень, статный и высокий. Золотые волосы красиво падали на плечи, и Мрак сперва подумал о Таргитае.

Потом дударь чуть повернул голову, не прерывая игры, и

Мрак понял, что это не Таргитай. У дударя лицо спокойное, красивое, румяное и здоровое. Глаза спокойные, в то время как у Тарха навсегда застыли в горестном недоумении. Этот дударь, надо признать, умелее Таргитая. У того больше силы, ярости, крика, а этот берет переливами, точными звуками. Мрак слышал восхищенные возгласы: «Во дает!», «Пальцы как живые!», «Не отличить – то ли дуда, то ли подлинный соловей!».

Ерунда, сказал себе Мрак раздраженно. Далеко до Таргитая... Но ощутил невольно, что вслушивается и в нем начинают поддрагивать жилки, откликаться звукам, что исторгаются из невзрачной дудочки. Впрочем, это у Тарха была невзрачная, а у этого – в золоте, затейливой резьбе. Да и сам в рубахе из тонкого полотна, пояс из цветной кожи, сапожки на каблуке...

Кто-то из гридней сказал восторженно:

– Будто медом по душе... Иваш, это твоя лучшая песня!

Дударь отнял от губ сопилку. На лбу выступили мелкие капельки пота. Он улыбался одними глазами.

– Добро, – произнес он. Голос был сильный, но с мягкостью хорошо выделанной кожи, – значит, тцарю придется ко двору.

Кто-то гоготнул:

– Ну да, тцарю!

– Аль тцаревой бабке, – добавил другой со смешком. – Для тцаревны слова перебираешь аки камешки.

– И выграниваешь пуще алмазов!

Мрак стиснул челюсти. В глаза хлынуло красным, потемнело от прилива злой крови. Для тцаревны? Для Светланы! Кто еще смеет... Да прыгнуть сейчас на его ухоженную глотку, рвать острыми зубами теплое мясо, упиться сладко-соленой кровью...

Едва не задушил себя, когда заставлял замереть на месте. Разве не должен весь мир расшибаться в лепешку для его Светланы? Отдавать ей лучшее, что у них есть: песни, клятвы, жизни, руки и головы? Жить для нее?

Уже без ненависти смерил его взором, статного и кудрявого, с румянцем во всю щеку. Такой может и за меч взяться, и коня на скаку остановить, и телегу перевернуть. Грудь широка, в руках тоже затаилась сила. Что ж, Иваш... Лицо у тебя честное. Ты на стороне Светланы – это уже хорошо.

Но быть ей моей!

Во дворе резали скот, кололи свиной и жарили мясо. Во дворец съезжались знатные люди.

Мрак, лежа в углу, наблюдал за гостями. Первыми приехали, а то и даже пришли пешком знатные мужи и бояре со своими семьями, но знатные недостаточно, чтобы их ждали. Потому явились загодя, держались маленькими кучками, ревниво поглядывая на других, старались занять место поближе к золотой дорожке, по которой всегда проходил тцар, а теперь пройдет его племянница Светлана. Дочери бояр стре-

ляли глазками во все стороны: выпала возможность посмотреть на знатных воинов, а их матери посматривали на бояр и купцов – дочерей надо выдавать замуж.

Последними явились могущественные вожди племен: Горный Волк, известный своей отвагой и воинским умением, свой горный сброд он гордо именовал племенем, а то и народом. Вторым был Руд, косолапый и мохнатый, похожий на медведя как видом, так и повадками. Руд, как слышал Мрак еще на веслах, совсем недавно был вожаком разбойничьей дружины. Сколотил большой отряд, грабил купцов на дорогах. Однажды сумел перехватить огромный обоз артанцев, что прошли неосторожно вблизи кордона. Руд тогда переправился через реку, ударил внезапно, стражу перебил, купцов утопил, обоз разграбил и с богатейшей добычей успел вернуться на свою сторону, прежде чем артанцы прислали войско.

Тогда-то Громослав Кривоzubый, старший брат Додона и предыдущий тцар Куявии, и решил Руда привлечь на свою сторону. Он предложил вожаку разбойников свою дочь в жены, а также земли на краю кордона, дабы бдил и защищал. Говорят, Руд долго колебался, ибо любил одну дочь пастуха, намеревался взять в жены, если уговорит родителей. Но все же решился сменить лохмотья разбойника на раззолоченную одежду владетельного князя. Так и зажил, а своих разбойников сделал богатыми владельцами деревень и весей. И теперь Руд открыто претендует на трон, так как женат на цар-

ской дочери, сестре Светланы, а в жилах их троих детей течет царская кровь яфетидов.

За спинами вождей встали верховные волхвы или тцаревичи, у кого как принято. Только за Горным Волком высился простой походный волхв – звероподобный, сильный, изуродованный шрамами. Он больше походил на бойца для учебных схваток, чем на служителя богов.

Особняком встал, привлекая взоры, высокий седой старик в панцире. Из-под шлема на плечи красиво падали длинные серебряные кудри, усы сливались с бородой, что великолепными пышными прядями падала на грудь, закрывая ее как широкой лопатой. Борода блестела чистым серебром, как и густые косматые брови на загорелом лице. Только на глазах старика была черная повязка.

Это был Гакон Слепой, отважный витязь, потерявший зрение еще в молодости в одной из схваток. С той поры он безуспешно искал смерти в бою, лез в гущу сражений, но гибель всякий раз обходила его стороной. Он бывал ранен, даже смертельно, так говорили волхвы, но всякий раз поднимался со смертного ложа.

За Гаконем стояли всего два воина, оба с яловцами Руда, так как Гакон присягнул Руду на верность, а рядом с Гаконем держался мальчонка лет десяти, рука слепого лежала на его плече.

Светлана тоже украдкой наблюдала за прибытием гостей.

Грозный и могущественный Горный Волк, который уже сейчас в состоянии захватить опустевший трон, огромный Руд, сильный поддержкой обитателей долин, вот прибыл и отважный Урюп, удельный князь, доказавший свою невероятную выживаемость в борьбе с войсками Додона...

Последней прибыла вождь поляниц, женщин-воинов, Медея. Она называла себя царицей, правда, не Куявии, а царицей поляниц, но уже это было вызовом. В стране не может быть двух тцарей. Светлана смотрела на Медею с наибольшей тревогой. Она ожидала увидеть рослую женщину могучего сложения, под кожей одни мышцы и жилы, в крупных руках огромный топор, а за плечами составной лук, который натянуть не всякому мужчине по силе. Но женщина, которая вошла в зал, была молода, роста не выше среднего, с пышной развитой фигурой, с невероятно крупной грудью, на которую сразу начинали пялиться все мужчины, с нежной белой кожей, длинными черными волосами, что сверкающим водопадом струились по спине. Черные, как ягоды терна, глаза внимательно оглядели зал, гостей. В них был острый насмешливый ум. Светлана предпочла бы, чтобы вместо нее явилась огромная женщина с боевым топором за плечами.

За Медеей стояли с надменным видом, привлекая жадные и трусливые взоры мужчин, две поляницы. Обе в полном боевом наряде, только без мечей, зато с ножами на поясах. Одеждой им служили волчьи шкуры, что держались на правом плече, так что левая грудь была обнажена, а внизу

край шкур не достигал и колен. Неслыханное бесстыдство, по мнению горожан, ни одна женщина не показывает прилюдно ноги выше лодыжки, но Светлана понимала, что поляницам так удобнее при скачке на коне. Как и обнаженные руки лучше пригодны для стрельбы из лука, чем отягощенные одеждой. Да и стоит ли негодовать местным женщинам – мужчины еще как не против! – все равно потемневшие от солнца жилистые ноги поляниц, оцарапанные и в мелких шрамах от ссадин, как и коричневые от солнца груди, не зажгут мужчин.

Эти четверо уже сейчас выглядят властителями. Кто из них попытается устранить ее сегодня, не допустить до трона?

До нее доносились разрозненные голоса. Достаточно отчетливые, чтобы понять, для того и устраивались эти потайные оконца, дабы бдить за подданными, знать их настоящие мысли.

– На этот раз, – говорил соседу один из приглашенных бояр, – Додону не минется... Ежели убили те двое воров, ладно, у тцарей жизнь такая, но ежели снова в слезах и соплях ударился в эту...

– Черную тоску, – подсказал сосед.

– Во-во! Виданное ли дело, тцар – в черную тоску? И сидит где-то? Кается в грехах, винится перед Родом, а тем временем трон займет другой...

– Да уж пора, – услышала другой голос. – Тцарство – это конь, которого надо держать в узде. И с шорами на глазах. А

рука Додона уже не та...

Голоса удалились, затихли. Не та, подумала Светлана со страхом. Говорят, Додон был силен и жесток, но с годами как будто что-то нашло на тцаря. Стал задумчив, отвечал невпопад. То кипел переустройством тцарства, укреплял кордоны и строил крепости для защиты от соседей, то забывал о них, уходил в сад и днями сидел там, глядя на цветы и воду в пруду... Дважды уже надолго исчезал из детинца вовсе. Правда, возвращался освеженный: устраивал казни, приносил в жертву пленных, ходил походами на соседей, находил предателей и сажал на колья, а земли и богатства отбирал в казну.

Знать бы, что стряслось с ним на самом деле! Ведь тела его не нашли. Он жив, он обязательно вернется, большой и сильный, снова наведет порядок железной рукой, покарает предателей, а народ вздохнет присмиренно...

Она вздрогнула, услышав сзади шаги. Подошел Голик, постельничий, советник Додона. В последнее время Додон располнел и обрюзг, стал похож на этого хитрого и холеного, но нечистого в делах боярина. А с исчезновением тцаря Голик стал распорядиться все увереннее. Только порой Светлана видела в его глазах тревогу. Когда тцарь вернется... если вернется, он может не одобрить излишнего рвення своего советника.

– Светлана, – произнес Голик негромко, – сегодня еще можно спасти Куявию.

Она покачала головой:

– Я не верю, что дядя мертв.

– Если он жив, он был бы здесь.

– Но у меня нет доказательств, что он погиб!

– Светлана, – сказал он настойчиво, – здесь нет людей, которые бы не жаждали его гибели. Взгляни!

В зале уже собрались вожди и властители больших и малых племен. Их набралось около двух дюжин, не считая сопровождающих их волхвов, телохранителей, воевод. Сильные и яростные, они стали вождями потому, что не сидели на печках, не хотели просто жить-поживать да добро наживать, а мечами раздвигали пределы своих владений, захватывали скот у соседей, строили кремли, пусть даже деревянные, крепили мощь племен, быстро и жадно готовились к новому броску к мощи и власти.

Горный Волк – данник Додона, но сейчас и сам Додон не помешал бы закусившему удила вождю горцев рваться к трону. Точно так же ее ненавидят волхвы старой веры, которую принес в эти земли прародитель Яфет... и от которой сам же отказался. Они таятся в горах, жертвоприношения совершают скрытно. Но их сторонники есть даже при дворе.

– Мы должны выстоять, – сказала она настойчиво. – Додон вернется!

– Светлана...

– У нас нет другого выхода.

– Если ты не уступишь, то в этом зале столкнутся вожди племен... И не знаю кто еще. Вся страна утонет в кровавой

междоусобной войне! А Боевым Топорам стоит только перейти перевал, чтобы взять нас голыми руками!

– Нет, – ответила она твердо. – Я сегодня сяду на отцовский трон и возьму его скипетр и державу. А там будь что будет. Но я не могу опозорить отца, трусливо отдав его престол наглým и жадным!

– Куявия падет под натиском Боевых Топоров!

Она покачала головой:

– Псы, что грызутся между собой, дружно бросаются на появившегося волка. Лишь когда отгонят, снова начинают грызнуть.

Голик сказал невесело:

– Они могут так изгрызть друг друга, что уже не бросятся на волка... Ладно, тогда другой путь. Ты должна предложить престол Горному Волку, позволить ему взять тебя в жены. Да, он хороший воин, даже очень хороший... значит, тцарем будет хуже некуда, зато в состоянии удержать страну в одном кулаке! Подумай о ее благе.

Со сжавшимся сердцем она ответила с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала:

– Говорят, многое может случиться между ложкой и губами. Дождемся вечера.

Он вскинул руки. Его пороссячье лицо покраснело. Он почти выплюнул слова:

– Дурочка!.. Ты можешь не дожить до вечера! Они хотят остановить тебя раньше. Разве ты не заметила этих четве-

рых?

– Четверых? О ком ты?

– О тех, у кого в руках сила!

– Ты говоришь о Горном Волке, Руде, Урюпе и Медее?

Он опустил руки, в глазах все еще блистал гнев:

– Ага, понимаешь? Кроме этой четверки могут быть и другие. Ты можешь представить себе, чтобы лазутчики Артании не вмешались? Тцар Артании спит и видит все земли в своем кулаке!

– Как мечтал и Додон, – сказала она. – Как мечтает наверняка и тцар Славии. Но что мы можем?

– Я уже сказал.

– Нет.

Он бросил на нее взгляд, полный жалости. Похоже, подумала со страхом, Голик уже не ожидает видеть ее живой.

Глава 10

Когда Мрак вышел из покоев Светланы, стражи устались на него с опаской. Разговор прервался. Потом один вспомнил легенду о древних волках-телохранителях. Они сопровождали, если верить кощунникам, богов Войдана и Хорса, охраняли детей тцарей древности. Возможно, один из этих волков как-то дожил до наших дней? Встретив Светлану, ощутил ее царскую кровь и бросился на помощь?

Мрак, видя подозрительные взгляды, сел на пол, с наслаждением почесался задней ногой за правым ухом. Это было так приятно, что вовсе забыл о стражах, чесал с остервенением, скосорылился, натягивая кожу, чтобы стало больше места для сладкого чеса.

Страж бросил с облегчением:

– Какой там спутник богов! Просто здоровенный пес.

– Волк! – поправил другой.

– А что волк, что пес – все равно. Я знаю села, где вместо собак заводят волков. Они преданнее, стерегут лучше. За хозяина жизнь отдадут скорее, чем собаки.

– Ну, ты уж совсем, – оскорбился тот. – Моя собака да за меня...

– Согласен, согласен, – поспешно сказал первый. – Просто я сказал, что волки еще глупее и честнее собак, те чему-то от нас научились, и потому стоит держать именно их. Если,

конечно, научиться с ними ладить.

Мрак кончил чесаться, широко и с наслаждением зевнул, показав страшные клыки, громко испортил воздух и разлегся на ковре, загородив выход. Стражи, зажав носы, поспешно удалились в другой конец зала. Один вытащил крохотную баклажку, вытряхнул на себя и разбросал вокруг капли душистого масла.

Умасливайся, подумал Мрак хмуро, умасливайся. Тоже мне, мужчины. Только и пользы, что от их болтовни многое стало понятнее. Еще Олег, мудрый волхв, говаривал, что, ежели не хочешь умереть от жажды, научись хлебать из любой посуды. То есть и у дурака можно чего-то да позаимствовать, ежели внимать с толком.

Сразу же за покоем, в которых располагалась тцаревна, слышался сладкий голос певца. Мрак высунул голову в приоткрытую дверь. Иваш был в красной рубахе, кудрявые волосы блестели от масла, он расчесал их красиво и благообразно. Перед ним стояли, опершись на копья, три стража. Непохоже, что глухие, но Иваш пел громко, вдохновенно, на дверь царской дочери бросал частые быстрые взгляды:

– ...И, гонимые могучим богом, три брата бежали в разные стороны. Старший брат, Яфет, с женами и детьми – ай да люли! – устремился на север. И шел он долго, через степи, горы, долины. И когда уже воздух стал холодным, все да узрели сверкающую стену Льда, что перегородила мир! Лед медленно таял под жаркими лучами солнца, с него бежали

потоки талой воды, размывали землю, но сама стена Льда была высотой с версту, не меньше, и сердце Яфета застыло в страхе и отчаянии.

Один из стражей прервал зычным голосом:

– Слава Додону, что превзошел стойкостью своего прародителя!

Голоса двух других вяло поддерживали:

– Додон крепок и неустрашим!

– Великий тцар нигде не дрогнет!

За столом разве что, подумал Мрак зло. Видели бы своего тцаря, когда тот и штаны намочил...

А голос певца, переждав волну хвалы, взмыл к низкому потолку, зазвенел, забился, как муха о бычий пузырь в окне. И Мрак, внимательно слушая, видел, как остановился в отчаянии Яфет, ибо те земли, которые ему выпали по жребию, были накрыты этой чудовищной льдиной! И не было ей ни конца ни края! Отправил конные отряды, дабы проверить, где льдина кончается, но прошли недели, а гонцы все скакали, как выпущенные стрелы, в одну сторону. Снова метался в страхе, едва не наложил на себя руки, видя тщетность всей жизни, но явился верховный волхв и рек, что Великий Лед уже отступает под ударами огненных стрел Солнца! И велел Яфет сменить богов ночи, которым поклонялись донине, богом Солнца, ярым Ярилой, которого раньше ненавидели и боялись все, кто жил в жарких странах.

И пошел Яфет с людьми вослед за отступающим Ледом.

Шли по колено в воде и грязи, плыли на плотках и лодках, пробирались через величайшее из болот, что образовалось на месте Льда. Так шли не годы, а столетия. Но в старину люди жили долго, Яфет прошел тысячи верст по болотам, пока не велел остановиться со словами: се бысть нашей земле! И начали строить дома среди болот на высоких столбах, кормились рыбой и болотными тварями... Но прошли еще сотни лет, болото подсохло, стада перелетных гусей занесли на лапах семена деревьев, а еще – прилипшую икру рыб, жаб и прочих болотных тварей.

Состарился Яфет, но жила в нем огненная душа богоборца: ударил в могучий дуб, расколол и вошел в него со словами, что выйдет в тот день, когда снова придет время довершить начатое! Мало кто понял его слова...

Среди многих сыновей Яфета великой доблестью блистали четверо: Гог, Панас, Остап и Тарас. Каждый хотел править, другим не уступал, и дабы не стрясалось распрей, их новую землю разделили на четыре равные части. Панас назвал свою часть Артанией, Остап – Славией, Тарас – Куявией, но Гог, самый яростный и непримиримый, не согласился с решением отца. Но и воевать с ним не стал, просто отказался от своей части, взял жен и детей, удалился еще дальше на север Гипербореи. Там, среди обледенелых скал и замерзших рек, его след потерялся. А после непонятого ухода Яфета его сыновья пытались подгрести все земли под себя или хотя бы прихватить ту, что принадлежала Гогу. Но силы

были равны, к тому же каждый, опасаясь братьев, старался больше укрепиться в своих землях, а уж потом пытаться захватить их земли.

Мрак вздрогнул, когда грубый голос проревел зычно:

– Но больше всего прав у тцаря Додона!

– Да, у него, родимого... – поддержал другой льстиво.

– Но он не трогает, дабы не ссориться с соседями...

Ивашу поднесли чару. Он отхлебнул, глаза заблестели.

Мрак с нетерпением переждал новую волну хвалы Додону, а Иваш даже голос повысил почти до крика, и Мрак снова увидел, как Тарас на четвертой сотне лет вдруг отказался от тцарствования, взял с собой трех жен и ушел в дремучие леса искать истину. Там его и след затерялся. Сын Тараса, Буслай Белое Крыло, не был склонен к тцарствованию, больше проводил время с чародеями, пытался постичь тайны бытия. Когда его сыну, Громославу Кривоzubому, исполнилось сорок лет, он с облегчением передал ему власть. И правил тот восемь лет, пока не подрос его младший брат Додон. Уже в детстве Додон поражал своей мудростью и отвагой! Говорят, еще в колыбели задавил двух змей, которых подслала коварная жена старшего брата... и вообще удивлял своей ученостью и мудростью. И когда Громослав внезапно скончался от укуса змеи, то именно Додон взял царскую власть недрогнувшей дланью. А с нею по праву победителя... гм... право наследника всех жен и наложниц тцаря Куявии. И воцарилось нынешнее славное тцарствование великого Додона, да

не будет конца его правлению!

Здесь яркая картинка смазалась, а когда Иваш с силой ударил по струнам, последние слова выкрикнув во весь голос, Мрак поморщился, приходя в себя, отодвинулся в глубь комнаты. Стражи заорали:

– Будь славен Додон!

– Правь нами вечно!

– Ты – наше красное солнышко!

Дурни, подумал Мрак. Сейчас как раз надо втянуть язык в то место, которое лижете, выждать. А то вдруг Додон не объявится? Выиграет тот, кто первый начнет орать хвалу новому правителю. Может, тот уже посматривает из-за угла. Кто кричит хвалу Додону – тому плаха. Кто кричит и рвет на себе рубаху – того вовсе на кол.

Светлану спешно готовили для выхода к гостям. Мрак вернулся, лег у ее ног. Царевну причесывали, сплетничали, хихикали, старались как могли развеселить, отвлечь мелкими девичьими тайнами.

– Не понимаю, – говорила Яна, – как эти глупые мужчины могут думать, что мы верим всему, что нам плетут?

– Ну, если делаем вид... – ответила другая многозначительно.

– Но мы даже не делаем вид! – воскликнула Яна. – Но эти самовлюбленные петухи так токуют, так распускают перед нами свои хвосты, что не замечают даже, когда выдергиваем

самые яркие перья!

– Ну, для того они и существуют, чтобы мы украшали свои накидки их перьями, а шкуры клали под ноги.

Снова посмеялись, пообсуждали, из кого была бы шкура лучше. Светлана, как видел Мрак с глубоким состраданием, ничего не слышала, ее мысли и душа были далеко. Наконец ее одели, увели. Мрака следом не пустили. Ее сопровождала только Кузя.

Служанки возобновили щебет. Яна спросила лукаво:

– А как же Руцкарь Боевой Сокол?

Ответом был общий вздох. Глаза заблестели, пухлые губки призывно приоткрылись, а на щеках у многих появился румянец. Руцкарь был общим любимцем. Мрак ощутил ревнивый укол. Подумал, что в самом деле жаль было бы такую великолепную шкуру класть под ноги. Гораздо лучше поступить наоборот: вычистить все внутренности, все равно там одно... гм... мясо, и кости отдать собакам, а то к кухне из-за них не протолкнешься, а шкуру набить соломой и поставить в зале на видном месте. Пользы от Руцкаря столько же, а вреда намного меньше. И украшение будет.

– Руцкарь – это настоящий мужчина, – сказала Яна мечтательно. – У него есть и плечи, и мощная грудь, и все другие выпуклости на месте... И смеется громко, как ржет конь моего дяди, а у того такой рев, что посуда дрожит.

– А как одевается! – подхватила другая служанка восторженно. – Он всегда носит, даже зимой, рубашку расстегнутой

на груди... до самого пояса, а у него такая широкая волосатая грудь! Пусть даже поддевает под нее толстую рубашку из шерсти и думает, что мы не знаем... даже разрез делает точно такой же... но это так красиво и возбуждающе!

– Да-да, от него всегда идет такой мужской запах!

– Он моется реже других, но это ему даже идет...

Дальше пошли такие подробности, что Мрак боялся, что его черная шерсть превратится в красную, пытался закрыть лапами уши, но девушки смеялись громко и перебирали достоинства мужчин так откровенно и с таким знанием дела, что в конце концов он вскочил и убежал в другой конец зала. Там из открытой двери дуло, он выскользнул и побежал по лестнице вниз, прислушиваясь к звукам и запахам.

Волчье чутье подсказывает, что здесь есть тайные ходы в стенах. Не зря же такие толстые. Наверняка есть и подземные выходы из кремля. За одним ковром на стене ощутил пустоту за тонкой дощатой перегородкой, но в той комнате постоянно толкуются стражи, даже обедают или бросают кости только там, пришлось трусить дальше, принохиваться, стараться как можно незаметнее обнюхивать подозрительные стены...

А Светлана в это время с дрожью в теле услышала, как далеко впереди волхв объявил громким торжественным голосом:

– Тцаревна Светлана!

Слуги распахнули перед нею двери. Она сделала первый

шаг, страшась запутаться в длинном платье. Ноги дрожали, а ладони вспотели. Держа спину гордо выпрямленной, она очень медленно начала спускаться по ступенькам. Взгляд держала на дальней стене, поверх голов. Это придавало надменность, как и подобает царской дочери, но на самом деле просто боялась увидеть их лица, их глаза.

Приглашенные толкались, старались увидеть, как поведет себя дальше. Впереди четверо вождей... Нет, уже только трое. Говорят, Урюп получил неожиданное сообщение из племени – сын захвачен в плен, и вождь спешно отбыл. Но угроза не уменьшилась, ибо эти трое и есть наибольшая угроза. Все претендуют на престол, и всякий ее считает, подумала она горько, просто легкой добычей.

Она подошла к Горному Волку, от него веяло наибольшей угрозой. Высокий и массивный, похожий на обугленную ударами молний скалу, он высился над всеми, как сторожевая башня. Единственный из вождей явился без оружия, только два ножа на поясе, но волхв при нем был с мечом и в кольчуге, что само по себе невероятно для служителя богов.

Она кивнула:

– Приветствую тебя, доблестный Горный Волк.

Он смотрел на нее холодными выпуклыми глазами:

– И я тебя... все еще приветствую. Ха-ха!.. Шутка.

Ее сердце стучало так, что темнело в глазах. Вокруг затаили дыхание, слушали, что она ответит. Ее язык прилип к гортани, она боялась услышать свой дрожащий жалобный

голос.

Не решившись что-то сказать, она пристально посмотрела на него долгим взглядом, медленно прошла мимо, не шелохнув головой. Между лопаток чувствовала колючий взгляд грозного вождя.

Руд стоял, широко расставив ноги. Маленькие глазки насмешливо следили за каждым ее движением. Он был в медвежьей шкуре, а медвежья морда служила капюшоном. Правда, он и с надвинутой на глаза личиной зверя не казался бы страшнее, чем сейчас, когда смотрит на нее налитыми кровью глазами.

– Приветствую тебя, трудолюбивый Руд, – сказала она ровным голосом. – Твоя слава растет с каждым днем.

Жуткое лицо Руда перекривилось в гримасе:

– Я ее зарабатываю.

– Достойный путь для мужчины!

Он тоже не поклонился, но Руд вообще никому не кланялся. Его волхв был похож на Руда как родной брат: такой же дикий, лохматый и свирепый. На груди висели три ряда оберегов из дерева и камня, а в руке он держал длинный посох с украшением в виде трех голубых шаров над рукоятью.

Отдельно стояли поляницы. На них смотрели со страхом, восторгом и осуждением. С голыми ногами, загорелые, волосы почти у всех подрезаны, взгляд наглый, вызывающий, каждая хороша, но и страшновато к такой приблизиться. Женщины должны быть милы и покорны, а эти смотрят дерз-

ко, на поясах длинные ножи. Впереди их царица Медея, ростом пониже своих женщин-воинов, пошире вдвое, да и потяжелее, ни один конь такую не поднимет, но это первая царица, ставшая ею не благодаря стрельбе из лука или воинскому умению, а с помощью хитрости и отточенного коварства. Она единственная без ножа, но зачем такой нож? Известно, что и без ножа зарежет. Зато, в отличие от вызывающе просто одетых поляниц, в ушах Медеи массивные золотые серьги с кроваво-красными рубинами, мочки оттянулись едва ли не до плеч, жемчужное ожерелье на шее в три ряда, браслеты с таинственно мерцающими в свете масляных светильников опалами, крупные алмазы в перстнях, золото и серебро на широком поясе, заколка с драгоценными камнями в черных, как вороново крыло, волосах...

Светлана прошла по кругу, приветствуя гостей, но в груди становилось все холоднее. Почти никто не смотрит на нее как на тцаревну. В их глазах она лишь добыча победителя, который сегодня взойдет на трон и возьмет ее себе. Как жену, наложницу или красивую рабыню. Никто не верит, что может устоять, да теперь и она с пугающей ясностью видит, что удержать престол невозможно.

Светлана остановилась в середине палаты, раскинула руки. Принудив себя улыбнуться, она сказала как можно громче, стараясь, чтобы голос звучал весело:

– Друзья мои!.. Добро пожаловать на честной пир в честь таких дорогих гостей!.. В Золотой палате уже накрыли сто-

лы. Открыты все подвалы с вином, охотники доставили лучшую дичь, а из озер и рек сегодня с утра везут живую рыбу. Прошу вас отведать!

По ее знаку двери в соседнюю палату распахнулись. Там открылось такое великолепие, что у многих собравшихся вырвался вздох изумления. В воздухе поплыли ароматы редких блюд, запахло жареным мясом, вареной рыбой, печенной в соке диких ягод птицей.

Эту палату строили по велению Тараса. Здесь давал пиры после возвращения с войны, а Додон, как воспевал в песнях Иваш, задумал создать вовсе подобие небесных чертогов, где Маржель принимает павших воинов. В середине вирия в огромной палате стоят длинные столы, за которыми пируют герои. Еду подают валькирии, небесные девы, они же наливают павшим витязям вино. В остальное время воины тешатся набегам на те части вирия, где обитают чужие племена, убивают, жгут, насилуют, грабят. А то и бьются для потехи друг с другом, меряются силой и удалью. А в полдень убитые оживают, раны мгновенно затягиваются, и все снова садятся за пиршественные столы!

В торжественной тишине Светлана прошествовала в Золотую палату. В широких бронзовых светильниках ярко горели масляные жгуты. Света хватало и без них, но они добавляют в воздух запах благовоний, редких смол, наполняют зал странными ароматами, от которых розовеют щеки, а грудь дышит чаще, освежая кровь.

Столы ломились от яств и напитков, скамьи были покрыты коврами. Самый длинный стол стоял в середине палаты. Вместо лавок были стулья, а один, стоящий в середине, был с подлокотниками, высокой спинкой и небольшим навесом, где неведомые мастера изобразили в бронзе борьбу странных крылатых зверей. Когда-то это было место ее отца на пирах. Теперь это место принадлежало Додону. А сегодня сядет она...

Она чувствовала ненавидящие взгляды сзади. Как хорошо, подумала смятенно, что входит первой! Если бы после гостей, то, натолкнувшись на стену враждебных взглядов, не смогла бы даже подойти к царскому месту... и это было бы все. Сел бы кто-то из этих троих!

Но и вперед пускать их нельзя, одернула себя в страхе. Кто-то сядет раньше нее, и что она сделает? Сгонит голыми руками? Похоже, в ее дворце уже все стражи и слуги понимают, что ее дни... да что там дни, минуты!.. сочтены. Стоять на ее стороне – это потерять голову, когда кто-то другой сядет на трон. Ее пока спасает лишь то, что на престол ее отца, а теперь Додона хотят сесть сразу четверо. И слуги пока не поняли, кто же из них станет их властелином!

Медленно и с достоинством она вошла к своему месту, повернулась, чувствуя на себе десятки пар глаз, неторопливо опустила себя на сиденье. И уже сидя, как и положено тцарю или членам его семейства, произнесла спокойным голосом:
– Ешьте и пейте, дорогие гости!.. Пусть мед будет сладок,

а не горек, а еда пойдет на здоровье. Пусть все присутствующие здесь будут здоровы и веселы!

В ответ было невнятное мычание, кивки, но никто не поднялся с кубком в руке и не сказал здравицу в честь Светланы, дочери Громослава, племянницы Додона. Она чувствовала напряжение в палате и понимала почему. Враги желают ей смерти, а друзья – если они есть – не осмелятся выказать симпатию: сегодня кто-то объявит себя тцарем Куявии, и тогда горе ее сторонникам!

Отроки сновали между столами, быстро меняя пустеющие блюда на полные, выставляли на столы узкогорлые кувшины с заморскими винами, вкатывали в палату и ставили под стенами бочонки с пивом, хмельным медом. Певцы и скоморохи как могли тешили собравшихся, но напряжение не спадало. Светлана все время чувствовала на себе оценивающие взгляды троих хищников.

Когда пир подходил к концу, пьяных песен и выкриков, обычных для любого царского пира, так и не было. Половина кувшинов с вином осталась нераспечатанной. В воздухе сгущалось напряжение.

Светлана задержала дыхание, поднялась. Взгляды пирующих обрушились на нее, как град камней. Едва не пошатнулась, но рассеяннo-покровительственная улыбка осталась на ее губах как приклеенная:

– Продолжайте, дорогие гости!.. Продолжайте.

Она отвернулась, чтобы не видеть, что никто не поднял-

ся, когда она встала – одним оскорблением больше, одним меньше, – медленно и с прямой спиной пошла к выходу из палаты.

Глава 11

Когда она была возле дверей, страж сказал негромко:

– Тцаревна... с тобой желает говорить Горный Волк.

– Что он хочет? – спросила она, а по спине пробежала ледяная струйка страха.

Страж пожал плечами:

– Скажет сам.

– Проводи в комнату с двумя мечами.

Страж кивнул, ушел, шаркая ногами. Не поклонился, отметила она, не выказал обычных знаков почтения как царице или даже тцаревне. А сейчас действует скорее по приказу Горного Волка, чем выполняет свои обычные обязанности.

Она намеренно прошла через палаты, остановилась в светлице, откуда был прекрасный вид на зеленую долину и близкие горы со снежными вершинами, затем неспешно прошла в комнату с умело вырезанными на дубовой двери двумя скрещенными мечами. Умельцы покрыли их неувядающей краской, мечи в свете факелов блистали особенно ярко и вызывающе.

Горный Волк уже сидел за столом, злой и нахмуренный. Светлана ощутила, как от страха кожа пошла пупырышками. Горный Волк всегда выглядел диким зверем, но сейчас был расщипанным зверем.

– Ты ходишь медленно, тцаревна, – бросил он грубо. – У

меня черепахи ползают быстрее.

Она холодно посмотрела на него с порога, голос держала как можно ровнее и без оттенков:

– Я понимаю, что в сражениях нельзя научиться вежливости. Но тцарям приходится общаться с... разными людьми. И не людьми тоже. Так что говори, Горный Волк. Я понимаю любой язык.

Он засмеялся, показав зубы, острые и длинные, как у волка:

– Тцарям? Ты не царица.

– Я сидела рядом с тцарем Громославом, своим отцом.

– И что же?

– Умный умеет учиться быстро. А дурак не научится никогда.

Она постаралась, чтобы он уловил угрозу, однако Горный Волк лишь посмотрел на нее как на пустое место. Голос вождя заполнил всю комнату:

– Да, я воин. Я презираю тех, кто умеет говорить красивые слова. Когда стану тцарем, я выгоню их из страны. А кто останется – повешу.

– В какой стране ты им станешь? – спросила Светлана все тем же холодным голосом.

Он снова оскалил зубы:

– Я знал, что ты дурочка... как все красивые женщины, но чтобы до такой степени?.. В этой, конечно. Она мне нравится.

Холод проник под лопатки и сжал ее сердце. Вот оно. Первый, кто сказал это открыто. Держа голос слегка задумчивым и ироничным, но стараясь не злить вождя, она спросила нерешительно:

– Значит, будущий тцар... Горный Волк, да?.. Значит, уже все решено. А могу я спросить: где в этом мире отведено место для меня?

Он показал зубы, от которых ее снова бросило в дрожь. В глазах его была победа.

– Конечно, сперва я хотел взять тебя в жены... Понятно, самая красивая женщина на свете!.. Но я стал вождем не только за силу рук. Я кое-что слышал и видел. Все войны начинаются из-за женщин, что бы там ни говорили! Найдутся, которые захотят освободить тебя из моих рук. Я их не страшусь, но у меня есть планы, как завоевать Артанию и Славию, как пойти дальше, и я не хочу ввязываться в драку с местными дураками. Я не хочу, чтобы мне мешали!

– Понятно, – сказала она мертвым голосом. – Но я хочу, чтобы ты сказал сам.

– Тцаревна, – сказал он, его глаза блеснули, словно в них отразились оголенные мечи, – ты сегодня в присутствии всех гостей откажешься от престола в мою пользу, а сама уйдешь.

– А по дороге меня зарежут, – закончила она.

В его близко посаженных глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

– Зато не будет другой резни! Разве ради этого не стоит

пожертвовать жизнью... если ты настоящая царская дочь?

В последних словах прозвучала явная издевка. Светлана поднялась. Глаза ее блистали, как две утренние звезды:

– Да, царских детей с детства учат думать о царстве раньше, чем о себе. И приносить себя в жертву, если это нужно для блага страны. Я уже отдала себя однажды в жертву, разве не помнишь?.. Я легла на жертвенный камень, чтобы ты мог победить пришельцев с севера!.. Но ты все равно бежал, разбитый. И только вмешательство какого-то неведомого героя... я хочу, чтобы это был человек-герой... вырвало меня из рук самого бога войны Маржеля! И ты хочешь, чтобы я принесла себя в жертву снова?

Он был взбешен, она даже отшатнулась, чувствуя, что вождь вот-вот ее ударит. С великим трудом сдержавшись, он грязно выругался, сказал, все еще дрожа от злости:

– Красивая женщина – всегда жертва!.. Не хочешь так? Тогда мои войска возьмут кремль в один наскок. Прольется кровь, погибнут крепкие воины... которые могли бы погибнуть в боях с Боевыми Топорами! Ты хочешь этого? Это будет.

Она медленно опустила голову. Отчаяние нахлынуло с такой силой, что голос упал до шепота:

– Да... я всегда была жертвой.

Она повернулась и, чтобы он не видел заблестевших в ее глазах слез, дернула дверь и выскочила за порог. Слезы освобожденно хлынули, побежали, оставляя блестящие дорожки.

Страж у дверей вытаращил глаза, ухмыльнулся и отвернулся. Что он там вообразил, успела она подумать, ведь оставалась наедине с Горным Волком, который с женщинами не церемонится?

Она стояла в своей светлице, прислушивалась к голосам гостей. Уже вечер, ворвутся ли к ней ночью с обнаженными кинжалами или же за ночь сговорятся, кто сядет на трон?

Гроыхая огромными сапогами, подошел толстый гридень со страшным шрамом через все лицо. Бесстыдно икнул, волна смеси запахов недожаренного лука и мяса едва не сшибла ее с ног. Светлана напряглась, неприятности явно и здесь, а Ховрах сделал вид, что поклонился:

– Тцаревна, посол Артании просит молвить слово.

Улыбка погасла на губах Светланы. Пугливо оглядевшись, она с усилием и великой неохотой шагнула из светлого сказочного мира в мир нынешний.

– Если разговор недолог, то... проводи его сюда.

Ховрах снова сделал движение поклониться, но выпирающий живот позволил только чуть склонить голову.

– Он просит сказать пару слов наедине.

Светлана сделала жест отрицания, явно страшилась остаться один на один со зловещим послем артанцев, но внезапно ее взгляд упал на Кузю, что в дальнем углу объезжала громадного волка.

– Хорошо. Проводи в комнату с двумя мечами.

– С двумя мечами в комнату? – переспросил Ховрах.

Светлана грустно покачала головой. Она тоже бы этого хотела, сказали ее глаза.

Когда Ховрах удалился, она сказала негромко:

– Мрак, ты уже однажды спас меня... Охраняй и сегодня, хорошо?

Огромный волк с готовностью помахал хвостом. Глаза его были преданные.

Посол Артании нахмурился, увидев, как вместе с тцаревной вошел огромный волк. Желтые глаза зверя холодно и прицельно задержались на его горле, обнаженных руках. Он остановился, наблюдая за каждым его движением.

– Тцаревна, – поклонился посол. Его глаза не оставляли волка. – Этот зверь... У меня важный разговор с тобой.

Она сделала приглашающий жест, грациозно опустилась в кресло со спинкой. Волк сел с нею рядом, глаза его пристально изучали дергающийся кадык посла.

– Говори, достойный Маздон.

– Тцаревна, этот волк...

Она очаровательно улыбнулась:

– Он не понимает разногласий между Куявией и Артанией.

– Да, но...

– Пожалуй, он никому не расскажет, – продолжала Светлана задумчиво, – если даже услышит что-то непристойное.

Но я надеюсь, что ты сам такое не скажешь... Он очень чуток к моему настроению.

Она опустила руку и почесала Мраку за ухом. Посол сглотнул, его глаза с трудом оторвались от созерцания зверя. Глядя тцаревне в глаза, он сказал как можно более твердым голосом:

– Тцаревна, разговор пойдет о судьбах страны. Я не могу собраться с мыслями, когда этот зверь рассматривает мою глотку!

Нежные пальцы прижали Мрака к земле, вызывая сладкую дрожь:

– Ляг!.. Вот так. Теперь лежи спокойно.

– Этого недостаточно, – сказал посол мрачно.

– Тогда разговор на этом закончим, – сказала Светлана тем уверенным голосом, каким ей хотелось бы говорить чаще. – Сегодня на меня в этой комнате один уже почти... напал.

– Тцаревна!

– Он тоже, может быть, не собирался нападать... но слово за слово, а когда у мужчин доводы кончаются, то, понятно... Будь этот волк со мною, тот остановился бы раньше. И наши отношения остались бы более теплыми.

Угроза в ее словах прозвучала отчетливо. Посол несколько мгновений рассматривал ее лицо. Она умеет себя держать, эта царская дочь. Их с младенчества учат держать спину прямо, голову высоко. Если и позволяют себе высказы-

вать истинные чувства, то разве что в запертой на два засова спальне, спрятавшись под одеялом, чтобы даже в ее комнате не подсмотрели через тайные дырочки.

– Тцаревна, – сказал он, – я надеюсь, ты сумеешь сдержать этого зверя... Но на всякий случай предупреждаю: у меня на поясе нож. Лезвие острее бритвы, но главное – в двойной борозде яду хватит, чтобы отправить к Ящеру дюжину человек.

Она смотрела пристально.

– Зачем тебе этот яд?

Он твердо выдержал взгляд ее ясных, как горные озера, глаз.

– Тцаревна... этот яд я имею право потратить только на себя.

– Зачем? – повторила она настороженно.

– На пыльных дорогах... да и не только на дорогах хватает людей, которые будут сдирать мою шкуру по лоскуткам, выдергивать ногти и ломать кости по суставу, чтобы первыми дознаться о моем задании. Всякий посол знает, что лучше успеть умереть раньше.

Ее взгляд смягчился.

– Но как же... Кто сам себя лишает жизни, тот проклят всеми волхвами. Его даже хоронят в стороне от всех! Он лишается права войти в вирий.

Посол скривил губы в горькой улыбке:

– Это тот риск, на который идем. К тому же остается на-

дежда, что боги как-то учтут различие... Но не будем уклоняться от главной дороги, тцаревна! Мне велено передать тебе, что войско Артании готово встретить тебя на перевале.

– Зачем?

– Не стоит притворяться, твое положение... не совсем устойчиво. Все знают, что тебе не продержаться дольше сегодняшнего дня. Завтра здесь будет другой правитель. Я не стану гадать: Горный Волк, Руд или кто другой. Но главное, что тебя либо убьют, либо бросят в темницу, откуда выхода уже не будет... Не следует льстить себя надеждой, что кто-то из них возьмет тебя в жены. Они знают, что ты своевольна и умна. Понимают и то, что однажды сама запрешь их в темницы, а власть возьмешь в свои руки.

Она сказала ровным голосом:

– Это все слишком далекие предположения. Зачем меня встречает войско артанцев?

– Чтобы дать защиту. Наш тцар предлагает тебе почетное место при его дворе. Ты будешь блистать и там! А когда сама захочешь, выберешь себе по сердцу знатного мужа.

Волк беззвучно приподнял край верхней губы, показал острые длинные клыки. Желтые глаза следили за посланцем неотрывно.

– Понимаю, – сказала Светлана. – А что возьмет за такую доброту?

Посол поклонился:

– В доброте самой уже есть вознаграждение. Просто он

полагает, что согласишься уступить земли по эту сторону перевала. Немного, всего лишь по левый берег.

У нее вырвался невольный взглас:

– Это треть наших земель!

– Всю Куявию захватит кто-то из твоих врагов, – напомнил посол. – А враги близкие всегда ненавистнее далеких. Так не лучше ли отдать хоть часть артанцам, чем Горному Волку?.. К тому же, если захочешь, наши войска могут помочь вернуть престол.

Она сказала с горькой насмешкой:

– Но за это я должна буду отдать вам уже две трети Куявии?

Посол молчал. Она ощутила, что у правителя Боевых Топоров могут быть планы и посерьезнее. Взять всю Куявию в бронзовый кулак, а ее оставить на престоле красивой куклой, окруженной его воинами-артанцами!

Мелькнула мысль, что это все же лучше, чем отдать тцарство ненавистному Горному Волку или Руду. Она дала этой мысли овладеть ею глубже, чтобы посол видел ее колебания и растущую заинтересованность. Любой человек так бы и сделал. Только царских детей всегда воспитывали в мысли, что сперва думать надо о стране, потом о себе. Но посол пусть думает, что она больше нормальный человек... даже просто испуганная девушка, трепещущая за свою невинность, чем царская дочь.

– Это интересное предложение, – произнесла она медлен-

но. – Правда, я предпочла бы остаться не при артанском дворе, а где-то по эту сторону перевала. На своем клочке земли, со своим дворцом и своими людьми...

Посол улыбнулся, взгляд стал хозяйским.

– Я думаю, правитель Боевых Топоров пойдет на это.

– Я должна подумать.

– Тцаревна, – голос его стал предостерегающим, – это у меня много времени, но не у тебя!.. Ты уверена, что переживешь сегодняшнюю ночь?

Она поднялась, давая понять, что разговор закончен. Посол поднялся тоже. Несколько мгновений смотрели глаза в глаза, затем посол нехотя поклонился. Светлана как можно спокойнее пожала плечами:

– Кто из нас уверен в завтрашнем дне?

В голосе посла сквозило раздражение:

– Тцаревна! Дюжина людей ждет тебя за воротами дворца. Переоденут, уже завтра будешь за перевалом. Никакая погоня не достанет – кони в нашей стране самые быстрые на свете!

– Я подумаю, – ответила Светлана медленно холодеющим голосом.

Взгляд ее стал строже, но в темных глазах посла были злость, разочарование и насмешка. Светлана ощутила, как по спине пробежал холодок. Посол не выказал неповиновения или угрозы, но он ясно навязывал ей свою волю, и она не знала, как поступить.

Мрак зевнул, показав страшное жерло, красное, как пламя, поднялся и пошел вдоль стены, обнюхивая углы. Посол еще боролся взглядом с тцаревной, уже ее лицо дрогнуло, в нем начали проступать страх и растерянность, но Мрак в это время подошел к послу сзади, задрал заднюю лапу. Тот запоздало обнаружил, что его роскошный халат потяжелел, стал горячим и очень мокрым. Он оглянулся, отпрыгнул в испуге:

– Этот... этот зверь намочил мою одежду!

Тцаревна с удовольствием засмеялась. Голос ее был как серебрястый колокольчик:

– Он вас всего лишь пометил. Теперь он вас запомнит.

Посол с отвращением оттопырил двумя пальцами полу халата.

– Я его... тоже запомню.

– Эй-эй, – сказала тцаревна предостерегающе. – Не обижайте мою бедную собачку.

В его темных глазах плеснула ярость:

– Бедную?

– И жалобную. И добрую. Посмотрите, какие у него глаза!

Мрак повернул голову, давая возможность посмотреть в свои глаза. Заодно показал и клыки. Посол в самом деле увидел и понял, насколько тот добрый. Догадался без труда, что добрая собачка думает о нем на самом деле.

– Тцаревна, – сказал он, отступая с поклоном, – я вынужден удалиться... Мне надо сменить одежду. Это здесь такие

запахи, что я мог бы и не менять... гм... но артанцев с детства приучают к чистоте! А ты пока подумай над моими словами.

Когда он ушел, Светлана смеяться перестала. Очень серьезно посмотрела на волка:

– Странно... Ведь ты еще ничего не метил!

Глава 12

В сопровождении волка Светлана спустилась в Золотую палату. Пир продолжался, хотя половина мест за столами опустела. Волк, которого она назвала Мраком, посмотрел на нее вопросительно. Светлана прошептала горько:

– И ты заметил? Они разбрелись по дворцу.

Волк потерял о ее ногу. Светлана почесала за оттопыренным ухом, мохнатым и теплым, объяснила:

– Присматриваются, где моя стража. Это может произойти сегодня ночью.

Горный Волк и Руд сидели за одним столом. Лица были злые, спорили ожесточенно. Рядом с Рудом сидел Голик, что-то доказывал с жаром, дергал за рукав, а в глаза Горного Волка заглядывал искательно.

Светлана передернула плечами. Лицо постельничего не понравилось, обычное лисье выражение уступило место жадному нетерпению.

– Боги, – вырвалось у нее тихо, – а мне и поспорить не с кем! Уже с волком говорю...

Волк лизнул ей руку. За столами подняли головы, смотрели с вопросительной враждебностью. Горный Волк помахал рукой, взревел зычно:

– Тцаревна! Хромай сюда. Здесь еще осталось вино.

Руд и даже Голик ухмылялись. Светлана ощутила, как ще-

ки заливает смертельная бледность. Хищники уже сговорились?

Ровным голосом она произнесла:

– Я прощаюсь с вами до завтра. А вы, дорогие гости, продолжайте честной пир.

Кто-то крикнул что-то вслед, но Светлана сделала усилие, чтобы не услышать. Доброго не скажут, а отвечать на обиды сил нет.

Слезы брызнули, когда переступила порог своих покоев. Яна бросилась раздевать, руки тряслись, сама взревела в голос, жалея добрую тцаревну. Волк лизал руки, Светлана обхватила его большую голову, прижала к груди, ее слезы падали ему на широкий лоб.

– Один ты у меня защитник...

От волка сильно пахло зеленью, живицей и почему-то муравьиной кислотой. От его тела шло мощное животное тепло, но он вздрагивал, косил на нее большим глазом, в котором желтизна быстро уступала кроваво-красному пламени.

– Иди, Яна, – велела она.

– Тцаревна, – сказала Яна, – дозвожь остаться в твоих покоях. Тревожно что-то мне.

– Иди к себе, – велела Светлана уже строже. – Если услышишь шум, то запрись и не выходи. Поняла?

Яна упрямо покачала головой:

– Нет. Сюда могут ворваться плохие люди.

– А ты меня защитишь? – спросила Светлана с горькой улыбкой. – Иди. Иначе и ты погибнешь. Но сперва тебя испакостят... Иди! Я так велю.

Яна с недовольным вздохом удалилась в девичью. Светлана прислушалась, но щелчка засова не услышала. Верная служанка явно решила провести ночь без сна, стеречь ее сон.

– Бедолажка, – прошептала Светлана. – В таких делах слуги гибнут первыми.

Она забралась в постель, натянула одеяло до подбородка. Светильники наполняли спальню легким запахом благовоний. Все окна, кроме одного, плотно заперты ставнями, а самое маленькое перегорожено прутьями так плотно, что не пролезет и кулак. Оттуда струился густой теплый воздух ночи, который к утру станет чистым до прозрачности. Но доживет ли она до утра?

Волк покрутился, выбирая место, понюхал, а когда лег, грохнул костями так, будто устроился не на толстой медвежьей шкуре, а на голых досках. Она слышала, как он вздохнул, поерзал, почесался.

За толстой стеной словно бы кто-то скребся, потом ненадолго затихло, а когда зашуршало снова, то звук был странным и пугающим, будто кто-то грыз камень, как жук-древоточец грызет мебель.

– Мрак, – позвала она тихонько. – Мрак...

В слабом свете она увидела, как выросла черная горбатая тень, перешла на другую стену, страшно и пугающе перело-

мившись. Его дыхание почувствовалось совсем рядом с постелью.

– Забирайся ко мне, – скомандовала она. – Ну же!.. Ляжешь мне на ноги... Что-то зябнут.

Волк почему-то колебался, словно чувствовал некую опасность. Светлана опустила руку, ощутила горячее дыхание. Горячий язык снова быстро лизнул ее пальцы. Она запустила их в густую шерсть, потянула к себе, приговаривая:

– Иди сюда... Не бойся... Я не кусаюсь... Прыгай в мою постель...

Волк упирался, но она все-таки затащила, он забился в самый угол, словно боясь то ли ее потревожить, то ли, что в самом деле покусает. Светлана уперла в него ноги, чувствуя голыми ступнями жесткую шерсть и блаженное животное тепло. Она сразу ощутила себя защищенной, а когда волк решился пошевелиться, лег поперек поверх ее ног, на ее губы впервые за последние дни вернулась улыбка.

Так, с улыбкой, она и заснула.

Мрак осторожно, замирая при каждом движении, сполз с постели. Сердце его рвалось, никогда так не хотелось остаться, почувствовать ее тепло, слышать ее ровное дыхание. Лишь иногда она начинала дышать чаще, словно убегала через темный лес, тоненько вскрикивала, и тогда он лизал ей ногу, и она сразу успокаивалась, даже улыбалась во сне.

Надо, сказал он себе в который раз. Ради ее счастья.

Он выждал, когда по ту сторону двери затихли шаги, приотворил, выскользнул, вильнул задом, закрывая за собой, и длинными неслышными прыжками унесся по коридору.

Дворец был полон запахов. Они говорили ему намного больше, чем глаза или слух. Глаза рисуют картинку, которая прямо перед ним, даже сзади ничего не видно, слух дает намного больше, в том числе даже то, что происходит за спиной или за углом, зато запахи ко всему этому рассказывают и то, что творилось на том или другом месте часом или даже сутками раньше, что в этот момент делается внизу на кухне, что за плотно затворенными дверьми любой комнаты, ибо нет таких дверей, чтобы не выпускали запахи...

Вскинув морду и понюхав воздух, он почти безошибочно мог сказать, сколько народу во дворце и где они. Эта картинка постоянно двигалась, смазывалась, то здесь, то там выступала особо ярко, а когда человек приближался достаточно близко, чуткие уши ловили его шаги, следили и оценивали, много узнавая по походке, когда он появлялся из-за угла или из дверей, тут уже глаза лишь дополняли картину последними штрихами.

И сейчас запахи точно подсказывали, кто сейчас и где. Он без помех спустился на два поверха ниже, затаился в нише, заслышав шаги. Двое слуг тащились, будто шли на казнь. Один тер кулаками глаза – явно только что разбудили, другой зевал с таким жутким завыванием, что Мрак едва удержался, чтобы не завывать в ответ.

– Хороший был стол, – сказал один, – да гости что-то жрут мало. А уж пьют совсем чуть-чуть.

– Думаешь, прямо сегодня и случится?

– Да, у нас уже и стража разбежалась. Всех можно взять голыми руками. Только два-три воеводы хранят верность, да с полдюжины стражей, что пьянствуют с Ховрахом.

– Ну, Ховраху море по колено. Не просыхает! Вряд ли понимает, что творится. А что на пиру мало едят да пьют, так это завтра же один Ховрах все смолотит и еще спросит: нет ли чего на обед?

– Ох, этот Ховрах, – сказал первый с отвращением. – Это еще тот гусь! Недавно я его застукал... Где бы ты думал? У себя дома! С моей женой.

– Ну-ну, – подбодрил второй.

– Захожу, а он сидит с нею за столом. Глаза у обоих хитрые-хитрые. А я и сам не последний дурак, сразу все понял. Не вытирая ног, бросился к полкам... Так и есть! Мой кувшин вина вылакали досуха!

– Да, это еще тот гусь.

Мрак выскользнул из тайника, не дожидаясь, когда их шаги затихнут. Он шел, принюхиваясь, когда сбоку из прохода показался толстый дружинник. Он был навеселе, пошатывался, обеими руками прижимал к груди кувшин. В кувшине булькало, острый нос Мрака уловил аромат неплохого вина. Половину лица дружинника занимали длинные усы, падающие на грудь. Вид у воина был устрашающий.

Он сказал сурово:

– Клянусь этим шрамом, что остался от меча несокрушимого Громобоя... А-а, волчок!.. Волчик... волчашка... Тютю-тютю, лапочка!.. Хошь хлебнуть?

От него веяло дружелюбием, он был в состоянии любить и обнимать весь мир. Глаза смотрели навывкате, рожа красная, как натертая корой, даже усы казались веселыми. Он был явно единственным человеком, которого не тревожила своя судьба завтра.

Мрак отказался хлебнуть, тогда воин, высвободив одну руку, бесстрашно потрепал волка по холке, почесал за ухом, предложил в приливе пьяного дружелюбия:

– Пойдем на кухню?.. Туда надо знать дорогу. Меня зовут Ховрах. Меня все здесь боятся!

Заинтересованный, Мрак потрусил следом. Кухня была на первом поверхе, даже в полуподвале, огромном и дымном, полном сладких запахов жареного мяса, душистых похлебок, разваренной рыбы. Повара истряпухи суетились у огромных котлов, гостей понаехало – попробуй не прокормить, отроки бегом таскали вязанки дров, совали под котлы.

Ховрах с порога заорал весело:

– Пришла радость – отворяй ворота!.. Это я, ваша радость, со своим новым другом!

Повар, огромный мужик еще толще Ховраха, в страхе дернулся:

– Это ты – радость? Да ты как чума на наши головы!.. Ко-

гда появляешься на минутку, мясо исчезает даже из кипящих котлов.

– Жадничать нехорошо, – укорил Ховрах.

– Хоть и жадничаю, зато от чистого сердца, – сердито отрезал повар.

Ховрах ласково погрозил пальцем:

– Еще раз селезнем хрюкнешь, бивни под стол сложишь. Почему ты такой грубый? С дуба рухнул? А внизу еще и змея укусила?.. Ты лучше готовь лучше. Из-за тебя может погибнуть большое количество жертв.

Повар опасливо отступил с дороги, давая путь волку.

– Тут вам не здесь, – проблеял он, волк как раз медленно проходил мимо его ноги, остановился почесаться. – Или вы прекратите, или одно из двух... Это вам чревато боком!

– Как прекрасен этот мир, посмотри! – возопил Ховрах, он пошел вдоль рядов, принюхиваясь, нос его задержался в вожделинии. – Я ведь даю вам возможность посмотреть на мое великолепие, пообщаться со мной... м-м...

Свободная рука ухватила лопоту мяса прямо со сковородки, а когда завидел другой, побольше, сунул было кувшин Мраку, перекосясь от жалости:

– Эх, не удержишь... Ну хоть посторожи! А то народ здесь больно ненадежный.

Он сунул Мраку мясо в пасть, сам ухватил лопоту покрупнее. Повара и стряпухи смотрели с бессильной яростью, а те, что помоложе, хихикали и строили ему глазки. Одна пыш-

ная девка осмелилась погладить Мрака, шепнула:

– Ешь, ешь... Приходи вечером... с Ховрахом.

Мрак с удовольствием сожрал мясо, а Ховрах прошелся между котлами. Мужиков гулко хлопал по спине, гоготал зычно, баб щупал и хватал за грудь, шлепал по задницам, вслед за ним катился вал смеха, визга, шуток, воплей, а когда вернулся к Мраку, он держал обеими руками корзинку, доверху наполненную мясом, рыбой и сыром.

– Еще не выпил? – удивился он. – Ты настоящий друг!.. А то стоит отвернуться, как тебе подают пустой кувшин и уверяют, что там отродясь только дохлые мухи.

Мрак потрусил с ним из кухни. Ховрах с великой бережностью отнес свои припасы в дальнюю каморку, забитую старой мебелью, мешками с тряпьем.

– Здесь я обитаю, – объявил он гордо. – Я настоящий воин, не жел-л-лаю спать с грубым мужичьем. Хоть и зовутся дружинниками! Не всяк, кто носит меч, – мужчина. Угощайся мясом, там есть и сахарная кость... А рыбу не трожь, там острые кости, горло наколешь.

Он припал к кувшину. Мрак с великим удовольствием сожрал другой ломоть. Что-то тревожило волчье сознание, пока не уловил, что от дальней стены, где мешки с тряпками до потолка, словно бы веет прохладой. Человеку не ощутить, но волчье обоняние подсказывает, что надо проверить каменные глыбы. Похоже, нижний поверх дворца весь источен подземными ходами, как пень короедами.

Ховрах ел за троих, пил за пятерых, бахвалился за всю дружину. Осушив половину кувшина, он начал петь. Мрак крепился, но душа не выдержала, он поднял морду и завыл во весь голос. Так они и пели, давая душам простор, освобождение, которое достигается только в душевной искренней песне.

Слезы выступили на глазах растроганного Ховраха. Обнимая волка, всхлипнул:

– Как здорово!.. Когда человек поет, он соприкасается с богами. Он становится другим, лучшим. Когда человек поет во весь голос, он не способен украсть или зарезать втихую. Верно?

– У-у-у-у-у, – ответил Мрак искренне.

– Кто умеет петь, тот умеет и пить. Верно? Вся жизнь – ложь, только песня – правда. Это песней коня не накормишь, а человека – можно!.. Как вот сейчас, – он придвинул к себе корзинку, сказал вдохновенно: – Разве это я пою? Я что, я молчу и соплю в две дырочки. Это душа моя поет и каркает во весь голос!

– У-у-у-у, – подтвердил Мрак.

– А когда пою я, то вообще все вокруг становятся добрее.

– У-у-у-у, – подтвердил Мрак с энтузиазмом. Все нравилось в этой захламленной, но странно уютной каморке. Они расположились прямо на полу, на расстеленной толстой тряпке, бывшей когда-то ковром, мясо и рыба в корзинке свежие, запах от сыра просто одуряющий. Удивительно, что

на аромат не сбежался народ со всего замка, роняя слюни.

– Поедим, – рассудил Ховрах, – попоем, потом опять поедим. Ты и спать можешь здесь, ежели не слишком храпишь и не будешь одеяло стягивать... Ах да, у меня нет одеяла! Ну, настоящий мужчина вообще-то должен укрываться звездным небом... ибо, когда не звездное, то могут быть тучи, а когда тучи...

Голос его затихал, голова упала на грудь. Он все еще бережно прижимал кувшин к груди. Судя по запаху, там осталось несколько капель.

Мрак прижался к полу, ощутил животом холод каменных плит. Поднялся уже в людской личине, сразу чувствуя себя полуслепым и полуглухим. Мир запахов исчез, стало тревожно и одиноко.

Ховрах лишь зачмокал губами, когда Мрак перевернул и стащил с него одежду. В плечах узковата, но все-таки лучше, чем совсем голым.

С топором в руке и круглым щитом он неслышно скользнул в тайный ход.

Узкая щель внутри стены вела в левую часть, пол постепенно опускался. Мрак протискивался медленно, чувствуя боками шероховатый камень. Здесь мог ходить только знающий эти ходы. Человеку идти неслышно вовсе нельзя: всюду сухие черепа и кости, разбросаны нарочно. Наступишь – от хруста подпрыгнут в трех комнатах за стеной. А факел не

зажечь – запах горячей смолы потечет во все щели.

Это волк видит в полной тьме так же, как и при свете: запахи показывают даже то, что за углом, чего глаза не смогут и при факеле... Он не успел додумать до конца, как уже ударился оземь, снова поднялся волком, а одежда и оружие остались на полу.

Вскоре услышал голоса, ноги сразу понесли неслышным волчьим шагом. Слух и запахи подсказали, что вблизи тайник с фальшивым камнем. Но также пахнуло теплом чересчур близко, и Мрак ощутил, что прямо перед ним скорчился человек.

Шерсть встала дыбом. Он едва не зарычал, тут же волна стыда и унижения нахлынула с такой мощью, что закрыл глаза, будто со всех сторон указывали пальцами. А если бы шел в человеческой личине?

Замерев, он задержал дыхание, поднял левую заднюю ногу и отодвинулся назад, затем отшагнул правой передней. Сердце стучало как молот, он осторожно выдохнул, надеясь, что человек не уловит его запаха.

Глаза к темноте привыкли быстро, он видел невысокого худощавого человека, тот прильнул ухом к самой доске, не двигался. Понятно, человеческий слух слаб, да и говорят не очень громко, но Мрак различил слова:

– Тогда надо постепенно свозить в подвалы зерно, копченое мясо...

– Из ближних весей?

– Ближние уже свезли. Из дальних не успеваем?

– Вряд ли... Нам хватит прокорма на полгода, но если набегут из весей, то всего на два-три месяца.

– Не принимать?

– Это же наши люди! – послышался возмущенный голос. –

Их уведут, продадут в южные страны. А нам оставят больных да стариков...

Мрак слушал краем уха, нос жадно вбирал запахи. Он уже держал в памяти сотни запахов, по которым мог определить в темноте и за десятки шагов любого обитателя кремля, но запах этого человека был незнаком. Более того, чем больше Мрак принюхивался, тем ярче проплывали обрывки картин сухой пыли, знойного солнца, конского пота, аромат старой, потертой кожи и горящего металла, а все перекрывал настолько мощный запах незнакомых трав, будто незнакомец весь пропах ими, словно всю жизнь спал среди трав под звездным небом.

Он отшагнул еще, отодвинулся за поворот. Там развилка, и Мрак с облегчением отступал, пока не оказался в безопасности. Артанец слушает то, что ему важнее, он здесь как рыба в воде, обнюхался!

За полночь он снова вернулся к брошенной одежде. Топор и щит Ховраха лежали на том же месте. Мрак выждал, прислушиваясь, потом ударился о каменный пол, быстро оделся и с оружием в руках поспешил к нижним комнатам.

Если бы не прошелся здесь дважды в волчьей личине, то наступал бы на все черепки и кости, но теперь умело миновал, пробрался к нужному месту, приложил ухо к серому камню.

Голоса доносились едва слышные, половины слов не разобрал, на этот раз уши у него человечесьи. Зато по голосам определил главное: их всего трое.

Он как можно неслышнее убрал доску, набрал в грудь воздуха, изготовился. Прямо перед ним по ту сторону ковра сильный голос произнес:

– Горный Волк велел, чтобы до утра мы закончили.

– Да что там заканчивать, – отозвался другой голос брезгливо. – Два-три пьяницы да старики воеводы! Даже мечи тупить неохота о старые кости.

– Сказано тебе: надо!

– На хитрый зад есть хвост с винтом, – произнес Мрак протяжным замогильным голосом подслушанную у волхвов мудрость.

Голос его исходил, казалось, прямо из каменной стены, словно говорила сама древняя гора. Он слышал, как все замерли. Кто-то произнес дрожащим голосом:

– Боги... Да чтоб призраки говорили так грубо...

Другой голос проблеял испуганно:

– Это, может, не тцарев призрак, а гридня или другого дурня... вот как тебя...

Пользуясь замешательством, Мрак сорвал ковер, прыгнул

в комнату.

Их было четверо, а не трое. Четвертый спал, двое играли в кости, а один стоял прямо перед ним, глупо раскрыв рот и вытаращив глаза. Мрак ударил рукоятью в живот, прыгнул к двум игрокам, быстро взмахнул топором дважды. Один с раскроенной головой упал на стол, второй вскочил и получил обухом в середину лба.

Мрак быстро повернулся, первый с перекошенным от боли лицом уже разгибался, рука его выдернула короткий меч из ножен. Мрак подставил под удар щит, ударил топором, тот отпрыгнул, а в это время от звона металла проснулся спящий. Глаза были дикие:

– Что?.. Где?

Мрак, опасаясь драться с двумя, решился на обманный удар, едва успел увернуться, но сам достал противника топором по колену. Сухо хрустнула кость, тот охнул и едва не упал, запрыгал на одной ноге к стене, прислонился, держа меч перед собой. Кровь полилась на каменные плиты двумя широкими струйками.

Теперь остался один, движения его еще были неверные, скованные недавним сном. Он успел убрать голову от удара, и лезвие топора перерубило ключицу, с треском вошло в грудь.

Мрак шагнул было к двери, раненые не опасны, за ними самими нужен уход, но в последний миг остановился.

– Сожалею, ребята, – сказал он хмуро, – но вам за это пла-

тили тоже... А мне нельзя, чтобы опознали.

Двумя ударами добил раненых, тщательно установил камень обратно. Ковер занял свое место, как будто и не снимали. Приоткрыв дверь, он прислушался, по-прежнему остро жалея, что в людской личине слышит плохо, видит еще хуже, а уж мир запахов так вовсе будто отрезало.

Убедившись, что пусто, перебежал по коридору, считая комнаты. Теперь, когда нос отказался опознавать, приходилось надеяться только на память.

Дверь подалась легко. Он шагнул через порог и сразу же метнул топор. На этот раз в комнате были трое людей Горного Волка. Топор ударил одного в лоб, второй лишь успел вытаращить глаза, как Мрак швырнул в него щит. Тот угодил краем в переносицу, и несчастный упал, захлебываясь кровью. Третий подхватился, его рука искала рукоять меча и не могла найти. Мрак без жалости ухватил его за горло, ударил затылком о стену.

Обыскав всех троих, собрал монеты, у одного снял с пальца кольцо с огромным рубином. Небедно живут люди Горного Волка. Но здесь могут потерять не только кольца.

Глава 13

На обратном пути забрел в такие низины, что вода сперва журчала близко под каменными плитами, затем шел по щиколотку в воде, наконец поток ледяной воды захлестывал по колени. Вода сочилась даже из стен, сбегала под ноги тоненькими струйками.

Он продрог, лязгал зубами. От влажного воздуха слиплись волосы, задубевшие подошвы скользили по гладким камням. Запахи здесь были тяжелые, вязкие, повисали на нем как грязь. Он даже не поверил себе, когда ноздри уловили слабый аромат благовоний.

Ноги сами ускорили шаг. Он отыскал путь выше, камни здесь оказались стертые, будто когда-то здесь ходили часто, прямо толпами. Запах привел к стене, где из щелочки просачивался аромат душистых масел.

Мрак припал ухом, голоса стали громче. Похоже, здесь один из камней нетрудно вынуть. Не сейчас, там отдыхают женщины Медеи. Судя по голосам, все еще не спят, сплетничают и обсуждают прием.

Мрак все же решился тихохонько вынуть камень, там еще толстый ковер, а шороха за смехом и дурашливыми воплями не слышно. Поискал и был вознагражден крохотной дырочкой в ковре. Совсем крохотной, не крупнее зерна, но теперь Мрак к голосам еще и видел комнату.

Их было пять, четыре возлежали на лавках и ложах, пятая неспешно стягивала через голову вязаную рубашку. У нее был плоский живот, высокая грудь, и Мрак подумал, что он поспел как раз вовремя.

– ...И не стоит рыпаться, – донесся до него полузадушенный тесным вязаньем голос, – эти муж-жи...ки... Фу, еле выбралась! Растолстела я, что ли?

– Жарко, – ответила лениво другая. – Все прилипает...

Она повернулась на ложе, и Мрак с удовольствием уставился на нее. Там было на что посмотреть.

– Надо одеваться легче, – заявила третья.

– Да? – удивилась та, что сняла рубашку. – А что тебе снимать еще? Ты и так явилась почти нагая, по-нашему – голая. Учти, Медея этого не потерпит.

– А при чем тут Медея? Здесь приказы отдает Светлана.

– Рядом с блистательной Светланой ты все равно меркнешь. А вот рядом с Медеей и ее объемным задом...

Они засмеялись, а пятая, что дотоле молчала, сказала серьезно:

– Зря вы так. Для Медеи мы все не соперницы. Мужчины только сперва толпятся возле нас, потом пересаживаются к ней. Она умнее всех! А над своим задом смеется первая.

Женщины посерьезнели, первая сказала обидчиво:

– Мара, ты шуток не понимаешь! Конечно, Медея умнее нас, потому и стала царицей. И даже здесь станет царицей.

– Да ладно, забудь... А кем станем мы?

– Боярынями!

– Женами тиунов... Нет, самими тиунами!

– А здешних мужиков куда определим?

– Нет, как используем?

Женщины захихикали. Глаза их блестели, щеки разрумянились. У Мрака, впрочем, глаза блестели сильнее, а разрумянились не только щеки. Даже спина покраснела от неловкости и запретного удовольствия от подглядывания. В комнате было душно, женщины не особо стеснялись себя одеждой, потягивались, чесались. Ну, он же не просто подсматривает, что недостойно и чего он не стал бы делать, – он вылавливает жизненно важные сведения!

– А я никем здесь не хочу быть, – вдруг сказала одна. – Здесь роскошь, богатства... но все заперты в каменных стенах. Они не видят великолепных закатов солнца, не видят вообще неба! А я хочу мчаться на горячем коне, видеть бесконечную дорогу... Моим глазам больно, когда взгляд упирается в далекие скалы или пусть даже едва заметную стену леса. А здесь все время видеть каменные стены?

Воцарилось молчание. Мрак затаил дыхание. Он понимал эту женщину, которую называли Марой. Ему тоже душно в комнатах детинца, где низкие потолки, толстые стены и крохотные окошки, да и то забранные толстыми решетками. Только вместо голой степи, где от тоски выть хочется, хорошо бы в лес, настоящий дремучий лес с его корягами, выворотнями, завалами, валежинами, торчащими корнями

на каждом шагу, трухлявыми пнями, лесными болотцами и топями!

От женщин пахло свежестью. Все юные, а если пятая не столь молода, как остальные, то это только Мраку с его звериным чутьем заметно, но даже на его человеческий взгляд она не отличается от своей дочери Мары: с такой же упругой кожей, тонкая в поясе и с крепкой грудью, торчащей, несмотря на размеры, быстрая и здоровая. А грудь оттопыривается так нагло оттого, что ее хозяйка часто стреляет из лука – для этого нужны сильные грудные мышцы.

Одна поляница поднялась:

– Проверю вход на лестницу.

– Думаешь, наши заснули?

– Или уже здешних мужиков пользуют?

Поляница пожала плечами:

– Медея велела не спать и быть настороже. А зря не скажет.

Мрак видел, как все посерьезнели. За шутками прячут тревогу. Не зря же даже далеко за полночь не спят. Оружие под руками. Три кувшина с вином, дар Светланы, стоят нетронутые.

Он заметил, как две сперва прислушались у двери, разом сняли запоры, поляница выскользнула, а дверь за ее спиной тут же крепко заперли и снова долго прислушивались. Лишь много погодя одна сказала негромко:

– Интересно, что сама Медея ждет? И что мы высижива-

ем, не высовывая носа?

– Может быть, – предположила другая, – что Горный Волк и Руд перебьют друг друга, а мы возьмем тцарство готовенькое?

– Размечталась!

– А чем плохо помечтать?

– Это Медея может и мечтать... и править. А больше ни у кого так не получается.

– Надеюсь, Медея в этом мрачном сарае, именуемом дворцом, не потеряет свою скрыньку.

Женщины захихикали. Мара сказала насмешливо:

– И чего она так прячет?

– Она все еще уверена, что никто на свете не знает тайну ее скрыньки?

– Ну ты же видишь, как она ее бережет! Мол, там обереги бога, который помогает ей в битвах, утешает, раскрывает некие тайны. Смотрите не проговоритесь, что знаете!

Мрак тихонько отступил. Если и опасны, то все равно рука не поднимется драться с женщинами. Да еще вот так: выскочив внезапно, перепугав до смерти. Они же пустят лужи от страха, а ему будет скользко и горячо...

Всего через полдюжины шагов уловил знакомый запах женских притираний. Пока протискивался в узком ходе, нос уже нарисовал тесную палату, тусклый светильник, смутно проступили тела двух женщин... Он прислушался, уловил ровное дыхание, а пальцы уже бесшумно вытащили глыбу.

Навстречу волной ударил жаркий воздух, настоящий на ароматах душистых масел, догорающего светильника и запахах двух женских тел, распаренных, истекающих призывными ароматами.

То ли народ раньше был мельче, то ли все были оборотнями, но пришлось обернуться волком, только так протащил свой зад в узкий проход.

В тесной комнате был полумрак. У ложа на шкуре снежно-белого пардуса лежала могучего сложения поляница, даже во сне сжимала кривой меч. Ее острые груди вызывающе смотрели в потолок, но глаза Мрака прикипели к ложу.

Там раскинулась самая роскошная женщина, которую могло измыслить мужское воображение. Полная, сочная, белокожая, с огромной грудью и широкими вздутыми ягодицами, она лежала, бесстыдно раскинувшись в полной безопасной наготе. Нежное лицо, сочный рот, румяные щеки, длинные черные волосы, что привычно разметались по подушке...

Мрак сглотнул ком в горле. Медея, царица поляниц, во сне не выглядела грозной воительницей. Напротив, сейчас это была женщина, созданная для мужских восторгов.

На трясущихся ногах он отступил в угол, оборотился в человека. На этот раз боль от превращения была острой, едва не вскрикнул. Понял, что в таком состоянии оборачиваться рискованно, но уже шагнул к ложу, осторожно обходя поляницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.